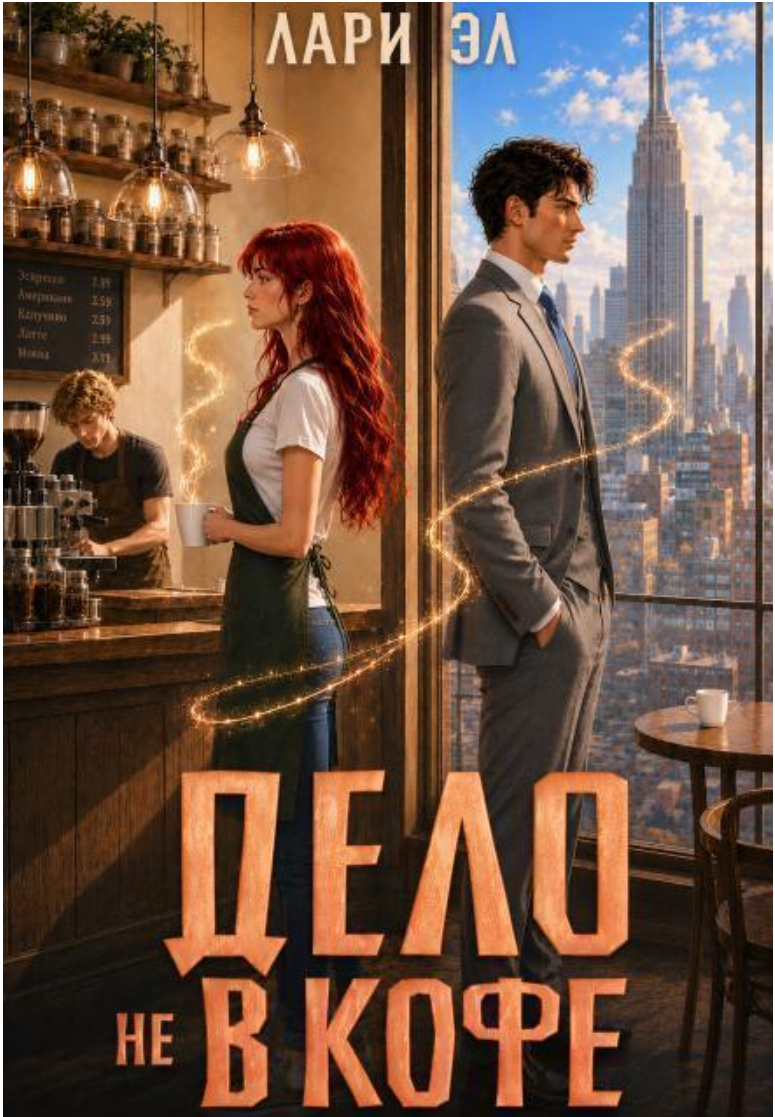

ЛАРИ ЭЛ
ДЕЛО
НЕ В КОФЕ

Лари Эл
Дело не в кофе

https://litres.ru/74815274

Аннотация

Один капучино и карьера олигарха пошатнулась. Всем привет! Я Алиса, и мой кофе заставляет людей вываливать всю подноготную и срочно решать проблемы в семье и отношениях. Как выяснилось, это вовсе не талант бариста, а самая настоящая магия. Правда, за этот "дар" меня уже вышвырнули с работы. Итог: на карте 217 рублей, лучшая подруга включила режим секретного агента, а я понятия не имею, что делать дальше. Самое время для карьерного взлёта, ага. Вместо нормального поиска вакансий меня затянуло в изнанку города – тайный мир кофейных магов. Здесь учат менять реальность с помощью авторских напитков на основе кофе, о которых я никогда не знала. Звучит круто, но на практике половина новых знакомых хочет меня использовать, а вторая – стереть в порошок. А я пока умею только устраивать сеансы принудительной психотерапии за чашечкой кофе. Придется как-то брать эту силу под контроль, пока я не создала очередную катастрофу. Ну и попутно разобраться, кто враг, а кто друг. Денег заработать – ипотеку же никто не отменял. У меня нет права на провал, иначе до конца дней придется сидеть на дошираке.

Это первая часть цикла.

Вторая часть "Дело не в магии" тут
Третья часть — отдельная история "Все двери ведут к тебе"

Содержание

Глава 1. Ароматы незримого 5
Глава 2. Вкус правды 16
Глава 3. Пиар-ход и стресс-тест 29
Глава 4. Врата в неведомое 40
Глава 5. Тайное меню 54
Глава 6. Кофейная дипломатия 67
Глава 7. Тень Сумерек 91
Глава 8. Цена магии 100
Глава 9. Подарок 112
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Глава 1. Ароматы незримого

— Морозова, чего такая мрачная? Клиентов распугаешь, — снова слышу этот ехидный голос.

Оборачиваюсь и ловлю взгляд Дениса. Серые глаза прищурены, светлые волосы торчат в разные стороны, что никак не вяжется с образом шефа, в которого кто-то опять решил поиграть. И не важно, что он тут всего лишь шеф-бариста.

— У нас же «зона позитива и пробуждения», — ухмыляется он своей улыбкой ироничного маньяка. — Решила переименовать её в «зону экзистенциального кризиса и утренней тоски»?

В зеркальной стене напротив мелькает моё отражение: тёмно-рыжие волосы, собранные в творческий беспорядок, веснушки, которые никак не хотят исчезать и иногда складываются в созвездие Большой Медведицы, и глаза цвета… Нет, не кофе. Скорее, слабо заваренного чая.

Принято считать, что глаза — зеркало души. Если так, то моя душа нуждается в отпуске и двойной порции эспрессо.

— Я не мрачная, — привычно поправляю выбившуюся прядь. — Это моё обычное лицо – аура философского нейтралитета. Специально под нашу новую услугу — кофе с экзистенциальным кризисом в подарок. Кстати, могу сварить. Попробуешь?

Денис протягивает кружку.

— Легко! Сделай мне что-нибудь… эдакое, — он поднимает руку и щелкает пальцами. – С нотками тоски и разочарования в человечестве.

Надо же, у кого-то с утра настроение шутить. Только не у меня.

Запускаю кофемашину, готовлю Денису капучино.

Если бы во время учёбы в универе мне сказали, что главным достижением моей жизни станет идеальное давление на кофе — пятнадцать килограммов на квадратный сантиметр, — я бы пошла учиться на клоуна. Ну, чтобы стать для Дениса идеальной напарницей в марафонах «кто кого перешутит», которые он устраивает каждый день.

Но всё сложилось иначе. И вот она я — Алиса Морозова, специалист по давлению. Не психологическому. К сожалению.

Мама всем рассказывает, что у дочери «стабильная работа в сфере гостеприимства». Она тактично умалчивает, что «гостеприимство» длится ровно до тех пор, пока клиент не получит свой капучино и не освободит очередь.

Каждое утро кофейня «Бэйжстар» встречает меня привычным гулом кофемашин и бежевыми стенами — такими нейтрально-успокаивающими, что ими можно вылечить де-

прессию, а заодно убить остатки былых мечтаний.

Вливаю молочную пенку в почти готовый капучино и думаю о том, как мне надоели эти одинаковые дни и этот равнодушный беж. А ведь раньше я горела идеей варить кофе и поднимать настроение людям. Что изменилось?

Подаю Денису кружку.

— О-о-о… — тянет он. — Чувствуется рука мастера. Очень экзистенциально.

— Ладно, хорош трепаться.

— Слушай, а ведь реально вкусно, — он вдруг становится почти серьёзным. — Но как-то... необычно. Что ты туда плеснула?

— Любовь и терпение, — хмыкаю. — Попробуй свари нормальный кофе под твои шуточки. Только мастерство и спасает.

— Алис, тебе надо сомелье работать, а не за стойкой стоять. Будешь пробовать и говорить: «О, а в этом рафе чувствуется тоска по ушедшему лету», — он закатывает глаза и подпирает щёку рукой.

Это выглядит так комично, что я не выдерживаю и смеюсь, пригнувшись за кофемашиной, а заодно удачно скрывшись за ней от выстроившейся очереди.

— Слушай, хватит, а? — почти шепчу ему сквозь смех. — Ещё весь день с людьми работать.

Денис корчит обиженную мину и исчезает за дверью скла-

да.

Я вздыхаю. Лена, вторая бариста, придёт только через час, так что мне придётся справляться с очередью в одиночку.

Утренний поток клиентов набирает обороты. Мои руки двигаются автоматически: помол, утрамбовка, пар.

Двадцать четыре года жизни, диплом университета — и всё, чего я достигла, это идеальная экстракция кофе. Если бы мой преподаватель менеджмента увидел меня тут, он бы заплакал. И заказал бы двойной эспрессо.

Пар из трубки обволакивает лицо. Спа-процедуры за счёт заведения. Жаль, нельзя добавить эвкалипт — нарушит строжайший корпоративный стандарт.

К стойке подходит мужчина в дорогом синем костюме. Глаза прикованы к смартфону, пальцы порхают по экрану с немыслимой скоростью.

— Двойной эспрессо, без сахара, — бросает он, не поднимая взгляда.

Я тепло улыбаюсь и принимаюсь за работу.

Механические движения, привычные фразы, натренированная улыбка. Где тот смысл, который обещали в брошюре «Твоя яркая жизнь после университета»? Видимо, его отгрузили в лизинговую компанию, где я пыталась начать свой трудовой путь. Жаль, не сложилось. Кофе оказался ближе, чем работа по специальности.

Фыркаю своим мыслям и только сейчас замечаю запах. Ох, мой эспрессо! На этот раз пахнет… непривычно насыщенно.

Но стаканчик уже в руках у клиента, он делает глоток. Брови медленно ползут вверх.

— Это… особый сорт? Вкус необычный.

— Обычные зёрна, — пожимаю плечами. — Возможно, удачная партия. Или вы просто впервые пьёте кофе и не читаете рабочие чаты.

Он оценивающе смотрит на меня, делает ещё один глоток. Теперь уже медленно, словно прислушиваясь к себе. Берёт кружку и проходит к свободному столику у окна. Но вместо того чтобы снова уткнуться в экран, смотрит на осенний пейзаж за окном, изредка отпивая маленькими глотками. Минут через пять, уходя, он убирает телефон в карман и озирается по сторонам так, будто мир необратимо изменился.

Делюсь с Денисом, который уже приволок со склада пакеты зёрен:

— Представляешь, мой эспрессо только что заставил человека посмотреть на мир не через экран. Говорит, необычный вкус.

— Ага, видел его, — откликается он. — Похоже, у парня глюк от переработок.

День продолжается в привычном ритме, если не считать

того, что число странностей растёт.

Готовлю капучино для молодой мамы с малышом, и невольно вспоминаю, как меня обнимала моя мама в последний мой визит (и особенно то, как она вечно беспокоится о моей личной жизни). Становится тоскливо, потому что теперь увижу родителей только в выходные.

Зато клиентка после первого глотка моего кофе расслабляется и улыбается ребенку такой улыбкой, от которой у меня сжимается сердце.

К перерыву чувствую себя странно возбужденной и измотанной. Будто проработала не полсмены баристой, а десять минут психологом на горячей линии.

Достаю телефон, но вместо приятных новостей — разочарование. Соня, моя подруга, отменила нашу встречу. Четвёртый раз подряд. Сначала болезнь бабушки, потом проблемы у брата, на прошлой неделе заболела её мама, а сегодня — температура у самой Сони.

Ловлю себя на мысли, что что-то в её сообщениях звучит фальшиво. А, вот оно! Чересчур много подробностей. Словно Соня пытается убедить не только меня, но и саму себя. От этой догадки рука вздрагивает, и я быстро прячу телефон в сумку.

Готовлю капучино для парня в помятой рубашке. Он выглядит так, словно не спал всю ночь. Горькая волна разочарования и одиночества накатывает от одного взгляда на его

мрачную физиономию.

Парень делает глоток и кривится, словно отхлебнул полыни. Эх, а я была лучшего мнения о своём кофе... Поворачиваюсь, чтобы отойти, и слышу, как он говорит по телефону.

— Марин, это я, — и голос такой дрожащий… Или показалось? — Прости меня за вчерашний скандал.

Останавливаюсь, затаив дыхание. Парень подхватывает стаканчик и, не переставая говорить с той самой Мариной, скрывается за дверью.

— Алис, — Денис прищуривается. — Ты точно ничего не добавляешь в кофе? Признайся, в чём твой секрет?

— Секрет в том, — отвечаю с наигранной таинственностью, — чтобы думать о хорошем. Например, смена скоро закончится.

Он сначала обиженно хмурится, потом уходит считать кассу.

А меня в это время развлекает пожилой клиент, который зашёл к нам перед самым закрытием. Он рассказывает о ссоре с сыном и внуке, которого никогда не видел. Я успокаиваю его, говорю, что это временно. Готовлю американо и кручу в голове самые тёплые семейные воспоминания (о том, как мои собственные родители мечтают о внуках, пока я тут варю напитки). Кофе пахнет уютным детством и лёгким намеком на родительское разочарование.

Мужчина делает глоток и расслабляется, даже лицо разглаживается.

Он задумчиво кивает, берёт стакан и идёт к своему столику. Я наблюдаю, как он долго смотрит на экран телефона, прежде чем решительно набирает номер. Через несколько минут лицо светится радостью: он подходит обратно к стойке и говорит, что помирился с семьей и в выходные едет знакомиться с внуком.

— Алиса, дорогая, это был лучший кофе в моей жизни. И он дал мне смелость поговорить с семьей, которой мне не хватало три долгих года!

Я привычно улыбаюсь, провожая его взглядом. И поэтому не замечаю, как сзади подходит Денис.

— Ну всё! Ты теперь не бариста, а скорая кофейная помощь. Налила, выслушала — и человек пошёл жить дальше.

Он подмигивает, а у меня внутри нелепое чувство, будто я только что стала свидетелем чего-то, чему нет рационального объяснения. И поэтому нужно срочно его найти.

— Денис, прекрати. Просто людям иногда нужно, чтобы их иногда выслушали. А горячий напиток — хороший повод задержаться и перевести дух.

— Ну да, ну да, — тянет он с лёгкой усмешкой, но в голосе уже нет прежней иронии. — Тогда почему у меня от твоего утреннего капучино до сих пор настроение как после отпуска? И я, между прочим, серьёзно.

Я на мгновение застываю. Денис перестаёт жестикулировать и смотрит на меня почти без улыбки, а потом уголки губ всё же поднимаются.

— Может, потому что ты переработал и не высыпаешься? — выдыхаю я. — Кофеин не улучшает настроение, он просто бодрит.

— Ты слишком рациональна для человека, который рисует на пенке сердечки, — вздыхает он. — Ладно, идём закрываться, все уже разошлись. А то сейчас ещё кого-нибудь занесёт на твой необычный кофе, и будет уже не протолкнуться.

Я выдыхаю, проверяя, выключена ли кофемашина. Захлопываю дверь склада и на секунду прижимаюсь лбом к прохладной стене.

Да, сегодняшний день был странным. Но завтра будет новый — и, надеюсь, обычный.

***

Дома прокручиваю этот день в голове снова и снова.

Утром думала о жизни — клиент выпил кофе и задумался о важном.

Днём грустила из-за странного поведения Сони — парень помирился с девушкой после горького капучино. Вспомина-

ла родителей — человек помирился с семьёй…

— Забавно, — выдыхаю я.

И чувствую, как по спине пробегает холодок паники: что, если это не просто совпадение? Что, если это что-то не то... со мной?

Чтобы заглушить это чувство, начинаю смеяться. Громко. Даже пытаюсь скопировать смех Дениса в кофейне.

— Ну всё, хватит! — отсмеявшись, говорю себе в пустой кухне. — Алиса, ты не в сказке. Ты в Москве, в тридцатиметровой «хрущевке», которую родители купили в ипотеку. И ты должна помогать с платежами, потому что папиной зарплаты едва хватает на коммуналку, а у мамы только случайные заработки на бухгалтерии. В сказках у волшебниц нет ипотечных договоров.

Мой взгляд падает на фотографию на полке: я и родители в саду у бабушки, все загорелые, счастливые и точно без мыслей о кредитных историях.

Это было до того, как они решили взять квартиру для меня, чтобы у дочери был свой угол в столице.

Их самая большая ошибка и самая большая жертва одновременно. Теперь этот «угол» висит на всех нас каменным грузом.

Вот твоя настоящая суперсила, — думаю я. — *Способность вовремя откладывать и переводить деньги.*

И всё же я пытаюсь в произошедшем сегодня найти логику.

Может, дело было не в мыслях, а в моём состоянии? Когда делала кофе клиенту в костюме, я была рассеяна и раздражена его спешкой. С парнем в мятой рубашке — сама задыхалась от обиды. А во время разговора с пожилым мужчиной... я думала о маме с папой, и мне было просто тепло.

«Просто настроение передаётся собеседнику. Даже если этот собеседник – клиент», — усмехаюсь я сама себе.

Конечно, всё это просто совпадения. Людям нужно было выговориться, а кофе стал удачным катализатором. Человек платит за кофе триста рублей и подсознательно ждёт чуда. А я, наивная дура, готова поверить штукам Дениса.

Завтра день зарплаты — нужно будет отложить половину на платёж по ипотеке, сделать маме перевод, да и с Соней пора разобраться.

Взрослая жизнь не оставляет времени на фантазии.

Ложусь спать с мыслью, что завтра всё будет как обычно. Никаких экспериментов. Ничего необычного.

Хотя было бы забавно, если бы…Нет. Точно нет.

Сказки заканчиваются там, где начинается ипотека.

Глава 2. Вкус правды

Утренний свет так настойчиво сочится сквозь шторы, будто пытается мне что-то доказать. Открываю глаза и рассматриваю паутинку на потолке — она трепещет от сквозняка, завидую ее простой жизни. У паука есть цель, план и собственная квартира без ипотеки. А у меня ипотека и на животе телефон, в котором двенадцать вечерних попыток дозвониться до Сони и ни одного ответа.

«Отлично, — думаю. — Лучшая подруга не отвечает на звонки, а главное развлечение в моей жизни — наблюдать, как сквозняк играет с паутиной. Прямо часы с маятником. Только тиканья не хватает».

Внезапно телефон вибрирует. Сердце предательски ёкает — может, Соня? Но нет, просто уведомление из соцсети. Фото от знакомой с какой-то вечеринки. Машинально тыкаю в экран.

И тут мой мир рушится.

Первое фото — просто группа людей в баре. Но на втором плане... Соня. Смеющаяся, сияющая, в элегантном черном платье. Та самая Соня, которая вчера стонала о высокой температуре и ужасном самочувствии.

Пальцы сами собой увеличивают изображение. Никаких сомнений — это она. С безупречным макияжем, окруженная людьми, которых я никогда не видела.

Следующее фото добивает окончательно. Соня обнимает какого-то мужчину в дорогом костюме, закинув голову от смеха. Временная метка — вчерашний вечер. То самое время, когда она «лежала больная».

— Нет, нет, нет, — шепчу я, лихорадочно листая ленту.

Фото за фото. Соня в ресторане, на танцполе, селфи с подругами. Все вчера. Все когда она «болела».

В груди разрастается тяжелый комок. Это не просто ложь — это настоящее предательство. Сколько раз она отменяла наши планы? Сколько раз я верила?

Телефон снова вибрирует. Сообщение от Сони: «Алиса, прости, всё ещё болею, лежу. И тебе ко мне нельзя – заразишься ещё… Будет лучше — напишу».

Перечитываю. Пожимаю плечами.

— Кто я для тебя? — вопрошаю у пустой кухни. — Запасной вариант? Удобная тапочка, которую можно отложить в долгий ящик?

Слезы настойчиво подступают, но я моргаю, прогоняя их. «Соберись, Морозова. Ипотека сама себя не оплатит, родители ждут перевод. Вперед, на подвиги бариста-философа».

Кофейня «Бэйжстар» встречает меня привычным гулом кофемашин и ароматом свежемолотых зерен. Денис уже на месте и сходу залипает на мой вид.

— О, кто это к нам пожаловал? Призрак оперы или призрак невыспавшейся баристы? — шутит он, а в глазах неожиданно вижу участие. — Ты в порядке? Выглядишь так, будто

твой внутренний критик устроил тебе ночную разноску без перерывов на кофе.

— Всё отлично, — бодро вру я, завязывая фартук. — Просто немного... переосмысливаю жизненные ориентиры. И дружеские связи. В общем, всё, что можно переосмыслить.

— Ага, вижу, — кивает Денис. — У тебя на лице прямо написано: «Внимание! Идёт перезагрузка мировоззрения. Возможны сбои в работе». Не хочешь поговорить? Я сегодня в режиме кофевара-психоаналитика. Первая сессия бесплатно.

— Спасибо, обойдусь, — натягиваю улыбку. — Мои проблемы не решатся за один сеанс. Разве что ты добавишь в мой кофе что-нибудь покрепче эспрессо.

— Не наш метод, — с укором и одновременно с пафосом отвечает он. — Мы лечим только ароматом свежеобжаренных зёрен и искренним участием. Но если что — я тут.

Киваю, встаю за стойку. Стараюсь не думать о телефоне, который периодически вибрирует в кармане. «Наверное, Соня. Наверное, оправдывается. Наверное, снова врёт».

Около одиннадцати атмосфера в кофейне резко меняется. У входа появляется группа мужчин в дорогих костюмах. Во главе — сам Виктор Петров, тот самый «гений бизнеса», чье лицо не сходит с обложек финансовых журналов.

— Как обычно, господин Петров? — сразу засуетился менеджер.

— Капучино. Без сахара, — бросает тот, не глядя.

Группа усаживается за большим столом для вип-персон. Обрывки фраз долетают до стойки: «поглощение», «сокращение персонала», «максимизация прибыли».

— Опять Петров со своей свитой, — бурчит Денис. — Любит он покрасоваться. Словно на сцене. Считает, что это мотивирует персонал — работать под взглядом начальства.

— Семьсот человек уволим сразу, — слышу голос самого Петрова. — Остальных — через полгода.

— Согласен, — откликается один из его спутников. — Бизнес есть бизнес.

Денис, стоя рядом, тихо фыркает:

— Ага, «бизнес есть бизнес». Классическое оправдание для тех, у кого совесть стоит дешевле, чем их часы.

Стою у кофемашины, готовлю капучино для Петрова, и внутри всё закипает. Похоже, в сети кофеен намечаются большие перемены, а я переживаю из-за какой-то лживой подруги.

Телефон в кармане снова вибрирует. Успеваю открыть и увидеть очередное сообщение от Сони: «Алиса, я знаю, ты увидела фотки в соцсети и расстроилась. Но всё не так, как ты думаешь! Сейчас ситуация сложная, я всё объясню позже».

«Ну конечно, — ядовито думаю я. — Ситуация сложная. Надо выбрать между коктейлем Мохито и Маргаритой. Это требует концентрации».

Пар обжигает руки, но я почти не чувствую боли. Вся боль где-то внутри. Предательство Сони смешивается с отвращением к циничному разговору за вип-столиком.

И тут на фоне отвращения вспыхивает мысль: а что, если всё это высокомерие Петрова – лишь показная бравада, маска? Тогда было бы интересно узнать, что за человек прячется под этой маской. И что он чувствует на самом деле…

Поднимаю чашку — обычную белую посуду. Но кофе внутри кажется темнее обычного, его аромат интенсивнее, почти осязаемый. Заливаю черноту взбитой молочной пенкой.

— Капучино готов, — произношу, ставя чашку на поднос.

Официантка относит заказ. Наблюдаю, как Петров машинально делает первый глоток, не прерывая разговора. Второй — уже медленнее, нахмурившись. После третьего он внезапно замолкает.

Его взгляд, обычно уверенный и острый, становится стеклянным и блуждающим. Он медленно отрывает его от чашки и, пробежавшись по окружающему пространству, останавливает глаза на мне. Не на лице — а словно на том месте в пространстве, откуда пришёл этот вкус, этот шок. Будто через меня он пытается разглядеть ответ.

Молчание затягивается.

— Виктор, ты чего? — спрашивает один из его спутников.

— Я... — Петров ставит чашку, его рука дрожит. — Я не знаю, что со мной.

— Может, кофе плохой? — кивает на чашку другой.

— Нет, не кофе, — качает головой Петров, и его голос становится странно тихим. — Это я плохой.

Я выглядываю из-за стойки, пока ещё не понимая, что происходит. Самый безжалостный бизнесмен города вдруг выглядит... уязвимым?

— Знаете, — продолжает он, и все за столом замирают, — я всю жизнь притворяюсь. Я не гений бизнеса. Я просто когда-то научился говорить нужные слова и принимать типовые решения.

Его спутники переглядываются. Один нервно смеется:

— Виктор, ты шутишь?

— Нет, — качает головой Петров. — Каждый день боюсь, что кто-то поймет... что все мои успехи — случайность.

Все смотрят на него, кто-то достает телефон.

Охрана у входа, сначала расслабленная, замирает в нерешительности, не получив никаких команд.

Кто-то неуверенно бормочет:

— Виктор, тебе плохо, мы вызовем врача...

— Нет! — Петров вдруг бьет ладонью по столу, и чашка подпрыгивает. — Вы не понимаете! У меня есть пентхаус с панорамными окнами. А вставать утром не для кого. Я могу купить всё что угодно... Кроме простого человеческого тепла.

Он обводит взглядом ошеломленных спутников, и его гла-

за, блестящие от слёз, на секунду — случайно или неслучайно — вновь останавливаются на мне, а потом опять соскальзывают. Но за эту секунду я успеваю заметить в этих серо-голубых глазах не просто отчаяние, а какое-то дикое, детское недоумение.

— Вы знаете, сколько лет я не слышал простого «Как твои дела?» без последующей просьбы о деньгах?

— Виктор, прекрати! Все записывают!

В этот момент замечаю, как менеджер мечется на краю вип-зоны, совершенно бледный, и беспомощно жестикулирует официанткам. Те озадаченно смотрят но… или ничего не понимают, или не уверены, что поняли правильно.

А Петров, кажется, уже никого не видит и не слышит. Слова льются из него, как из прорванной плотины:

— Я разрушил столько семейных бизнесов... а сам мечтаю просто прийти домой, где пахнет пирогом. Где меня спросят: «Как прошел день, пап?» Где будет шумно и тесно от счастья, а не от роскоши.

Он плачет открыто, не стесняясь слез.

«Нет, нет! Пожалуйста, только не это», — проносится у меня в голове.

Мысли мечутся: это совпадение? Или... нет, не может быть! То, что происходит сейчас, жутким эхом отзывается со вчерашними случаями, только в тысячу раз сильнее... и… публичнее.

Мои пальцы давно вцепились в край стойки, мне кажется,

я уже не дышу.

— Я купил остров. Представляете? — продолжает Петров. — Целый остров! А гулять там не с кем. Сижу один на пляже и смотрю на закат... такой красивый, такой одинокий. Как я.

Его голос становится тише, почти шепотом:

— Иногда я езжу в обычные спальные районы и смотрю на окна. Вижу, как семьи ужинают вместе, смеются... Я бы отдал все свои деньги за один такой обычный вечер. За настоящее «спокойной ночи» от человека, который скажет это просто так, а не потому что я ему заплатил.

В кофейне стоит мертвая тишина. Даже Денис не шутит.

— Этот кофе... — Петров показывает на чашку дрожащей рукой. — Он был... честным. И... искренним. Как будто я выпил глоток той жизни, которой у меня никогда не было. И стало так больно от осознания, что всё, что у меня есть — не имеет никакого значения.

Он опускает голову на руки и рыдает — громко, безутешно, по-детски.

А я понимаю, что никогда не забуду этот момент: как великий и ужасный Виктор Петров, перед которым трепещет половина города, сидел и плакал над недопитой чашкой кофе, признаваясь в своём одиночестве перед всеми.

***

Хаос утих только с появлением охраны, которая увела рыдающего Петрова.

Остаток смены проходит в напряженной атмосфере. Клиенты говорят только о том, что произошло, официантки нервно переглядываются, менеджер весь день разговаривает по телефону.

Работаю молча, стараясь не думать о том, что случилось. Но с каждой приготовленной чашкой страх растёт. Что если это не просто кофе? Что если это повторится?

В три часа дня менеджер подходит ко мне:

— Алиса, управляющий просит тебя пройти в офис.

Сердце падает. Догадываюсь, что это значит.

Иду на второй этаж. В маленькой комнатке с единственным окном, выходящим в переулок, сидит районный управляющий сети с усталыми глазами и папкой документов перед собой.

— Садись, Алиса, — указывает на стул напротив. — Нам нужно поговорить о том, что произошло сегодня утром.

— Я не знаю, что произошло, — начинаю, но он поднимает руку.

— Послушай, я тебя не обвиняю. Но факт остается фактом — после того, как ты сделала капучино господину Петрову, он устроил... эмоциональный срыв. Видео уже набрало миллион просмотров, журналисты звонят каждые пять минут, а адвокаты Петрова требовали экспертизу того кофе, который ты приготовила.

— Но это обычный кофе! Я ничего не добавляю в стандартные рецепты!

— Может быть. Скажи спасибо, что руководство уже замяло эту тему. Но корпорация не может рисковать. Слишком много шума, слишком много вопросов.

Он открывает папку и достаёт несколько документов:

— Это уведомление об отстранении от работы с последующим увольнением по статье... Решение принято на самом верху, и мне приказано оформить всё немедленно. Прости, Алиса, у меня связаны руки.

— Но… вы не можете меня уволить по статье! — Смотрю на бумаги, не веря своим глазам. — У меня ни одного взыскания, только благодарности!

Управляющий молчит.

И внутри всё обрывается: могут. Ещё как могут! Как они замяли вопрос с экспертизой кофе? Понятно: сказали, что непутёвая бариста нарушила производственный процесс. А у Петрова был тяжёлый день, нервы не выдержали горечи неправильного капучино – так его люди будут объяснять это журналистам.

И теперь ни руководство «Бэйжстара», ни Петров не позволят мне работать здесь дальше.

Это конец, за один день я потеряла и лучшую подругу, и работу. Всё, что держало мою жизнь в равновесии, рухнуло.

— У тебя есть час, чтобы собрать вещи, — добавляет управляющий не без сочувствия.

Молча киваю, уже не доверяя собственному голосу. Спус-

каюсь вниз, снимаю фартук, убираю из шкафчика свои немногочисленные вещи. Коллеги бросают косые взгляды, но никто не решается подойти.

Выходя из Бэйжстара, чувствую, что кто-то наблюдает за мной. Обернувшись, вижу мужчину в тёмном плаще, стоящего у противоположной стороны улицы. Наши взгляды встречаются, лицо кажется знакомым… потом он растворяется в толпе.

Где я его видела? Может, клиент? Пил мой «прекрасный кофе» и благодарил? Нет, этого мрачного типа точно не было среди благодарных за «терапию».

Ну и ладно. Чувствую, как мысли не текут, а падают тяжёлыми камнями. Я сейчас слишком подавлена, чтобы вспомнить эту физиономию. Иду по знакомым улицам, сжимая пакет с вещами, и чувствую, как прежняя жизнь рассыпается, как песочный замок под волнами.

Денис догоняет меня уже в конце улицы перед метро.

— Алиса! Слушай, это полная жесть! — он понижает голос. — Ты же... Алис, это как-то связано с тем, о чём мы вчера говорили? Ты ничего не делала нарочно?

— Я и сама уже не понимаю, — честно отвечаю.

— Слушай, держись. Это всё ерунда. С работы уволили — не беда. Главное — дар баристы-философа не потеряй, — он снова пытается шутить, но выходит не очень. — И… это. Сегодня тут до глубокой ночи проверки. Но можно я завтра

к тебе зайду?

«Конечно, можно, Денис, мы же друзья с универа…» Кажется, произнести это я уже не в силах.

Киваю и молча бреду домой.

***

Дома меня ждет пустота, похожая на самый горький эспрессо.

Падаю в кресло, отбрасываю телефон, засыпанный сообщениями от знакомых и незнакомых. В соцсетях меня уже окрестили «непутёвой бариста» и «бариста-ведьмой» — современный вариант сжигания на костре, только в трендах.

— Отлично, — сообщаю пустой квартире. — День начался с предательства лучшей подруги, продолжился публичным разоблачением олигарха и закончился увольнением. Какая насыщенная жизнь! Теперь ждём заявление британских ученых — что я одна из них и открыла закон физики, пока взбивала молочную пенку.

Закрываю глаза. Тишина в ушах звенит громче, чем самая шумная кофемашина.

Что теперь? Кем я стала после сегодняшнего дня? Девушкой, которая... что? Гипнотизирует людей через кофе? Это звучит так же абсурдно, как теория плоской Земли или что авокадо полезен для бюджета.

Вспоминаю лицо Петрова в момент его признания — открытое, беззащитное. Может, у него и правда был обычный нервный срыв? Или он тайно снимал всё на скрытую камеру

для своего реалити-шоу? Это куда логичнее, чем поверить в то, что мой капучино воздействует на психику.

— Все это ерунда, — уверенно говорю я вслух. — Просто массовая истерия. Эффект плацебо. Люди верят в то, во что хотят верить. Даже олигархи.

Телефон опять вибрирует. На экране сообщение от неизвестного номера:

«Твой капучино сказал сегодня слишком много правды. Мы знаем, кто ты. Мы можем помочь. Завтра, полдень, Арбатская».

— Какой занимательный спам! Они знают, кто я, а я этого не знаю. Или розыгрыш... Коллеги из «Бэйжстара» решили пошутить над «бариста-ведьмой»?

— Ладно, — вздыхаю. — Я теперь совершенно свободна, ничто не мешает завтра прогуляться до Арбатской. Гляну издалека, может знакомых встречу. Хуже уже не будет, а лучше… Хм, хм. С моей-то удачей!

И уголки губ впервые за день поднимаются в улыбке. Не потому что весело – какое уж тут веселье? А просто интересно, насколько абсурдной может стать моя жизнь.

Глава 3. Пиар-ход и стресс-тест

Утром просыпаюсь от того, что сосед сверлит стену.

Включаю телефон — он вибрирует без остановки, как кофемолка на пределе мощности. Новости, сообщения от знакомых, которые последние пять лет со мной не общались. Похоже, слава «бариста-ведьмы» распространяется быстрее, чем запах свежемолотого кофе по утрам.

Пока варю себе эспрессо — последние зёрна, надо срочно искать работу, — листаю ленту. И натыкаюсь на прямую трансляцию. Виктор Петров, собственной персоной. Улыбается. Свежий, отдохнувший, в идеально сидящем костюме. Словно вчерашнего и не было.

Включаю звук.

— Поздравляю всех, вы стали участниками самого громкого пиар-хода сезона!

Ложка с сахаром замирает у меня в руке на полпути к кружке.

— Через неделю моя компания запускает новый благотворительный фонд «Искренность», направленный на помощь людям с психологическими проблемами. Мы наглядно показали, как один искренний поступок может всколыхнуть всю страну и заставить говорить о важных вещах. Рейтинг упоминаний зашкаливает, все цели достигнуты.

Я смотрю на экран, не веря своим ушам. Пиар-ход. Так

вот оно что! Оказывается, я не бариста-ведьма, а статист в спектакле миллиардера.

— Отдельная благодарность бариста кофейни «Бэйж-стар», чей напиток стал... катализатором искренности, — говорит он с той же ухмылочкой, что и вчера до своего «прозрения».

Катализатор искренности. Ну конечно. А я-то думала...

Трансляция заканчивается под вспышки камер. Петров уходит победителем. А я остаюсь сидеть на своей кухне с остывающим кофе и ощущением, что меня использовали в качестве реквизита.

Первая мысль: где мои деньги? Если это пиар-акция, мне положен гонорар! Хотя бы за моральный ущерб и потерю работы. Я же, получается, главная актриса этого шоу, пусть и невольная.

Коллега присылает сообщение: «Алис, ты в курсе, что ты звезда пиар-акции? Молодец!»

Отвечаю: «Да, я в курсе. Только мне забыли заплатить. И выдать премию за исполнение роли растерянной бариста в коммерческом проекте».

Откладываю телефон. Ну что ж, господин Петров, вы великий стратег. Превратили искреннее признание в пиар-победу. Но самое смешное во всей этой истории — то, что я знаю правду. Знаю, что это не было спектаклем. Его боль, его слёзы, его одиночество — они были настоящими. Он просто прикрыл их красивой вывеской, как всегда и делал.

«Катализатор искренности, — повторяю про себя и фыркаю. — Я запомню».

Телефон опять вибрирует, высвечивая номер Дениса. Кажется, это единственный человек, с кем я сейчас готова говорить.

— Ну что, звезда пиар-акций, — в его голосе смешались ирония и неподдельное участие. — Как ощущения после вчерашнего триумфа? Уже подписала контракт с агентом?

— Ещё нет, — наигранно вздыхаю я. — Мой агент пока занят — выбивает компенсацию за моральный ущерб и несанкционированное использование моих навыков в корыстных целях. Думаю, потребовать хотя бы пожизненный запас капсул для кофемашины. Мелочь, а приятно.

Денис смеётся, но потом его голос становится серьёзнее.

— Слушай, Алис, а ты в курсе, что у Петрова для широкой публики была одна версия, а для своих — другая?

— Ну, пиар-акция, фонд психологической помощи... Я уже посмотрела. Превратить собственные слёзы в дивиденды – это, конечно, гениально, да… — И тут до меня доходит смысл сказанного: — Что? Другая версия для своих? А ты откуда знаешь?

— То, что ты смотрела, это была версия для масс, — объясняет Денис. — У меня друг работает в одном из банков, который с Петровым сотрудничает. Так вот для партнёров и топ-менеджеров была проведена закрытая планерка. И там была озвучена совсем другая история.

— Не может быть! — фыркаю я. — Что за история?

— Им сказали, что это был стресс-тест. — Денис делает драматическую паузу. — Петров рассказал, что он якобы специально смоделировал ситуацию собственного краха, чтобы проверить реакцию партнёров. Кто поддержит, кто предаст, кто начнёт искать выгоду. «Проверка на прочность в экстремальных условиях», это цитата из его речи для своих.

Несколько секунд я просто хлопаю глазами. Однако… Петров, ты всё-таки гений бизнеса!

— Ну конечно! — восклицаю в телефон после затянувшегося молчания. — Это же очевидно! Как я сразу не догадалась! Слёзы олигарха в кофейне — классический инструмент менеджмента. «Моделирование ситуации эмоционального выгорания для повышения корпоративной эффективности». Надо будет добавить в резюме: «Участвовала в стресс-тестировании топ-менеджмента крупной компании через применение капучино».

— Ага, — подхватывает Денис. — Я уже представляю, как это войдёт в моду. «Тренинги по кризисному менеджменту от Виктора Петрова. Пройдите проверку на прочность и проверьте своих партнёров! Инсайты гарантированы или деньги назад!»

Мы оба замолчали на секунду, а потом разразились смехом.

— Всё, я больше не могу, — выдыхаю я, смахивая слезу.

— У этого человека настолько разносторонняя личность, что у него даже оправдания многогранны. Он как драгоценный камень — под разным углом светится по-разному. Правда, фальшивым блеском.

— Шутки шутками, — говорит Денис, снова становясь серьёзным. — Но так-то это полный цинизм. Он покупает себе удобную правду в зависимости от аудитории.

— Ну, а что ты хотел? — пожимаю я плечами, хотя Денис этого не видит. — Бизнес есть бизнес. Даже бизнес на собственных слезах. Главное — чтобы упаковка была красивой. А содержание... Ну, кто в наше время смотрит на содержание?

— Ладно. Держись, Алис, — говорит Денис. — Если что, я стану твоим пиар-менеджером. Придумаем тебе версию лучше, чем у Петрова.

— Обязательно, — смеюсь я. — А пока я жду, что мне пришлют грамоту за участие в пиар-акции. Или в стресс-тесте. Ну, хотя бы коробку печенья в качестве гонорара. Мечтать не вредно.

Мы попрощались, и я отложила телефон. Бизнес есть бизнес, конечно, но где-то глубоко внутри меня пусто и горько. Не за себя — за ту искру настоящего, которую так быстро затоптали в грязь красивыми словами и прагматичными оправданиями.

Голова гудит от всей этой циничной мишуры. Нужно переключиться на что-то реальное. Например, на поиск рабо-

ты.

И тут я чуть не подпрыгиваю. Вчерашнее сообщение! То самое, загадочное. «Мы знаем, кто ты. Мы можем помочь. Завтра, полдень, Арбатская».

Хватаю телефон, чтобы убедиться, что запомнила верно. Листаю историю сообщений, СМС от оператора, спам из банка, даже уведомление из соцсетей... А того сообщения нет.

Переключаюсь в общий список. Пусто. Листаю вверх-вниз — ничего. Пытаюсь вспомнить номер — а в памяти только пустота.

— Ну не приснилось же! — фыркаю себе под нос. — Или приснилось? Бариста-ведьме и сны снятся в тему. Видимо, вчерашний стресс добил мою психику окончательно.

Вот так и становятся героинями мистических романов — с первой СМС-ки из ниоткуда. И всё же ощущаю чувство странного разочарования. Часть меня, самая наивная, возможно, надеялась на чудо. На внезапную помощь от каких-то мудрых знающих людей.

— Хватит фантазировать, Морозова, — говорю сама себе. — Чудес не бывает. Есть только прагматичные пиар-менеджеры и платежи по ипотеке.

Открываю в ноутбуке сайты для поиска работы. Прокручиваю вакансии бариста. «Требуется ответственный, стрессоустойчивый... Опыт работы от года... Готовность работать в команде...»

Снова проходить тот же самый круг. Но этот круг хотя бы привычный и реальный. В отличие от мифических «знающих» людей и их сообщений, которые исчезают сами собой.

Итак, полдень встречаю не на Арбатской, а дома с ноутбуком, рассылая резюме.

Спустя пару часов, когда удалось записаться на несколько собеседований, снова варю себе кофе, к нему делаю сэндвич и открываю ленту соцсети в телефоне.

Глаза лезут на лоб — как быстро всё изменилось!

Теперь в мемах я не «бариста-ведьма». Теперь я — «катализатор искренности».

А Денис, соответственно, «его правая рука с питчером».

Первый мем: я подаю чашку, Денис рядом. Подпись:

«Катализатор искренности — теперь и в форматах латте и капучино».

— Отлично, — бурчу себе под нос. — Жаль, не продаётся в капсулах. Был бы хит продаж.

Второй мем: я на заднем плане, а Денис смотрит на Петрова так, будто тот выпил кофе из бриллиантов. Подпись:

«Когда хотел просто закончить смену, а стал частью пиар-проекта».

Я фыркаю. Да, Денис так и выглядел.

А вот более жёсткий вариант, на этот раз на обоих сразу: наш общий кадр, вырезанный из камеры наблюдения, я мрачнее тучи, Денис ухмыляется своей улыбкой маньяка. Подпись:

«Новые лица фонда "Искренность". Неофициальные, но выразительные».

Я невольно вздыхаю.

Да, смешно. Но между строк читается: «вы оба шуты, не более». Вот она, слава! Хотела стать писательницей — стала интернет-иллюстрацией к пиар-проекту миллиардера.

И ведь сделано так изящно, что спорить бессмысленно. Против хэштегов не попрёшь.

Телефон пиликает. Сообщение от Дениса:

«Ну что, поздравляю, мы официальные лица фонда "Искренность". Правда, без зарплаты».

Набираю:

«Отлично. Добавлю в резюме: "волонтёр пиар-акций федерального масштаба"».

Через минуту — новое сообщение от него:

«Зато мемы с нами классные. Я тебе скину парочку, ты

только береги нервы».

Не успеваю отправить «не надо», на экране всплывают уже знакомые картинки. Ну да, нервы берегутся отлично, когда видишь это по пять раз в день.

Денис добивает контрольным:

«Кстати, новость: от Петрова ушли несколько партнёров. Не оценили его "стресс-тест". Кажется, у него теперь тоже стресс (без теста)».

Замираю с пустой кружкой, пишу:

«Значит, у вселенной всё-таки есть чувство юмора».

Телефон гаснет, а мысль остаётся: если даже у Петрова с его миллионами и связями всё немного летит к чёрту, то как быть мне? Я без миллионов, связей ноль, только сомнительная слава.

Так, стоп! А ну-ка, не ныть! Может, есть шанс выбраться. Вопрос только — куда теперь податься.

Опять открываю ноутбук и чувствую себя чуть ли не стартапером на минималках: таблица, список заведений, короткое, но искреннее (ха-ха) письмо. В графе «О себе» честно пишу: «Бариста с опытом работы в сетевых кофейнях, стрессоустойчивая (проверено СМИ)».

Кнопка «отправить» видится теперь чем-то вроде кнопки «сварить эспрессо». Только вместо бодрости получаю уведомления об отказах. Иногда даже шаблонных, как будто я

— спам-фильтр на ножках.

«Спасибо, мы уже укомплектованы».

«Ваш опыт интересный, но нам не подходит».

«К сожалению, в данный момент мы ищем бариста без мемного бэкграунда».

Даже думать боюсь, как сейчас работается Денису.

В конце дня всё же вырываюсь из квартиры — в бой. Несколько собеседований вживую подряд: новые кофейни, маленькие авторские проекты, даже пекарня с амбициями на кофейный уголок.

Везде одно и то же: менеджеры смотрят на меня, потом на экран телефона (да-да, я угадываю момент, когда они гуглят «Бариста Алиса мемы»), и вежливо улыбаются.

Улыбаюсь в ответ, держусь бодро. Раз жизнь превратила меня в публичную шутку — пусть хотя бы знают, что я смеюсь последней.

Когда возвращаюсь домой, ноги гудят, как кофемолка после восьми часов работы, но внутри — ощущение свежести. Как будто я сама себе сварила новый американо: простой, крепкий, без лишних сиропов.

Ложусь рано. Телефон гаснет, и вместе с ним — мысли о Петрове. У него теперь собственный кризис, а у меня впереди — новая жизнь. И, клянусь всеми зёрнами «Бэйжстара», я не собираюсь больше тратить на него ни нерва, ни лишнего

глотка кофеина.

Глава 4. Врата в неведомое

Седьмой день безработицы встречает меня тусклым серым рассветом, пробившимся сквозь окно моей крошечной квартирки на четвёртом этаже хрущёвки. Пустые контейнеры из-под доширака громоздятся на столике, словно надгробия прежней уверенности в завтрашнем дне.

Кофе закончился, надежда тоже. Зато в холодильнике царит дзен — только салат, переживший лучшие времена, и полбутылки молока, срок годности которого ещё вчера умолял отпустить его с миром.

Сижу на диване, закутавшись в бабушкин плед с сердечками (подарок «на любовь и тепло» — видимо, для такого случая). Листаю соцсети, где Виктор Петров всё ещё рыдает на видео, а я всё ещё выгляжу потерянной. Теперь, правда, официальная версия гласит, что это была пиар-акция фонда психологической помощи.

Ну конечно. Миллиардеры же постоянно плачут ради меценатства. Особенно после моего капучино.

Моё лицо мелькнуло в ролике всего на пару секунд, но интернету хватило и этого. Теперь я — мем. Хожу по городу, чувствуя себя легендой: «О, это же та, что довела Петрова до катарсиса!»

За окном начинается очередной рабочий день – люди спе-

шат в офисы, к станциям метро, в свои привычные, упорядоченные жизни, где зарплата приходит каждый месяц, а будущее не выглядит как чёрная дыра.

А я лежу здесь, двадцатичетырёхлетняя неудачница, которая умудрилась потерять работу из-за странного инцидента с кофе.

Баланс на карте — 217 рублей 43 копейки. Планы на сегодня: пить воду и думать позитивно.

Платёж по ипотеке через три недели. Прекрасно. Похоже, скоро научусь питаться собственными сожалениями.

Единственная отдушина — звонки и сообщения от Дениса. Сегодня он, как обычно, пишет: «Алиса, ты как? Жива?»

Отвечаю: «Ещё как! Не дождешься».

Он шлёт смайлик, обещает принести кофе. Молчу, потому что, если честно, кофе — последнее, что сейчас хочется видеть. Особенно если вспомнить, с чего всё началось.

Кстати, про «началось». Неделя поисков работы — и ни одной вменяемой вакансии. Стоит работодателям узнать, кто я, разговор заканчивается быстрее, чем мобильный интернет.

«Мы вам перезвоним» — это новая корпоративная форма «мы вас навсегда забыли».

А «ярмарка вакансий», на которую я заставила себя пойти, оказалась ярмаркой унижения: местная легенда, мемный бэкграунд, все дела...

В какой-то момент снова пытаюсь позвонить Соне: где ещё искать поддержки, кроме как у друзей? Но ответа нет. Эх, Соня, подруга детства... Похоже, я у неё опять в игноре.

Контраст особенно забавный: Соня молчит, Денис шутит. Петров плачет (в рамках пиар-акции). А я блистаю в мемах всех форматов: картинки, вертикальные видео.

Телефон вибрирует: наконец-то уведомление о новой вакансии!

Кофейня «Зёрна истины». Описание: «Требуется человек с развитой интуицией для работы в специализированной кофейне. Опыт не важен. Готовность к экспериментам приветствуется. Адрес: переулок Старых Мастеров, дом 13».

Перечитываю текст три раза, пытаясь понять, шутка это или очередной розыгрыш. Интуиция у меня, конечно, есть — она всегда предупреждает: «Алиса, не смотри свой банковский баланс на ночь». Но работать баристой по наитию? Это что-то новенькое.

Открываю прикреплённую форму и всё же записываюсь на собеседование — сегодня после полудня. Жую кончик ручки, прикидывая, насколько у меня развита интуиция… и понимаю, что максимум могу отличить просроченное молоко от свежего, не глядя на дату. Тоже навык, но вряд ли карьерный.

Ладно, в назначенное время добираюсь по нужному адресу.

На вид — обычная кофейня, только антураж необычный.

Похоже, дизайнеры перестарались с шармом старины: здание выглядит так, будто перенеслось сюда из XIX века. Тёмно-коричневые деревянные стены, резные наличники на окнах, массивная дубовая дверь с медными заклёпками и старинной ручкой в форме львиной головы. Над входом висит деревянная вывеска с вырезанными буквами: «Зёрна истины».

Останавливаюсь перед дверью, вдруг почувствовав, что нахожусь на пороге чего-то необратимого. Интуиция запоздало включилась? Ладно, вхожу.

Внутри — обычная обстановка кофейни и обычные посетители.

Пока стою у входа, отыскивая взглядом кого-то из сотрудников, из-за стойки появляется женщина, которая сразу приковывает к себе внимание. Высокая, в возрасте — но не старая, с серебристыми волосами, уложенными в сложную причёску. На ней длинное платье в пол глубокого фиолетового цвета, которое шелестит при каждом движении.

— О, вот, наконец, и ты, дитя! — произносит она мелодичным голосом, обращаясь явно ко мне. На всякий случай оглядываюсь: вдруг «дитя» — это ещё кто-то за моей спиной. Но нет, кроме меня в кофейню больше никто не входил.

Поворачиваюсь к ней и… впервые не знаю, что ответить.

— Я Виола, хозяйка кофейни, — представляется она.

— А я Алиса, — выдавливаю из себя под её пронизывающим взглядом. — На собеседование. По объявлению. Про

интуицию.

Глаза у Виолы особенные – серо-зелёные, глубокие. Они смотрят не на меня, а сквозь меня, словно она листает мою биографию прямо сейчас. Надеюсь, она не видит тот контейнер с дошираком, который я забыла выбросить.

— Ты та девушка, которая заставила Виктора Петрова плакать, — говорит Виола, и я понимаю, что это не вопрос, а утверждение.

Открываю рот, чтобы привычно отшутиться про пиар-акцию, но она жестом останавливает меня.

— Не нужно извинений! То, что ты сделала, было естественным проявлением твоего дара, хотя ты сама этого не понимала.

Я моргаю. Дара? Я думала, это называется: «неудачное стечение обстоятельств».

— Не понимаю, о чём вы, — бормочу я, чувствуя, как деревянный пол словно уходит из-под ног. — Это был обычный капучино.

Виола смеётся – мелодичным, серебристым смехом.

— Обычный капучино не заставляет миллиардера рыдать на глазах у всех, милая. Обычный кофе не несёт в себе эмоций того, кто его готовил. А твой кофе был пропитан пониманием и глубокой печалью.

— Глубокой печалью? — переспрашиваю я. — А думала, у нас у всех просто день был тяжёлый.

— И тяжёлый день тоже, — спокойно кивает Виола. —

Это тоже повлияло. Но главное — ты почувствовала его боль. Ты же говорила, что тебе стало его жаль.

— А если серьёзно, — говорю я, чтобы разбавить этот внезапно воцарившееся молчание, — мне тогда казалось, что я просто злая и уставшая. И что кофе получился... ну, слишком честным, что ли.

— Именно, — кивает Виола, — честным. В этом и есть твой дар. Что ж, садись, девочка, — она указывает на высокий барный стул у стойки, обитый бархатом изумрудного цвета. — Нам есть о чём поговорить.

Сажусь и с интересом рассматриваю необычное, стилизованное под старину оборудование.

— Расскажи о себе, — Виола начинает готовить кофе. Её движения такие плавные, что я невольно думаю: если бы йога и опера встретились в кофейне, это выглядело бы именно так. — Не о работе, не о том, что в резюме. Расскажи о своих снах, о том, что заставляет тебя просыпаться по утрам, и о том, чего ты боишься больше всего.

— Это очень странное собеседование, — замечаю я, усаживаясь поудобнее. — Обычно спрашивают про сильные стороны или где я вижу себя через десять лет. В моём случае ответ, скорее всего: «с пиццей и котом, но без ипотеки».

— А тебе не кажется, что вся твоя жизнь в последнее время стала странной? — отвечает вопросом на вопрос. — Что обычные вещи начали вести себя необычно?

— Ну, — тяну я, вспоминая последние дни, — доширак

перестал казаться едой, а стал философским размышлением о бренности бытия. Это считается?

Виола едва заметно улыбается, но продолжает готовить кофе с видом человека, который знает все тайны вселенной, включая рецепт идеального доширака.

— Иногда мне казалось, что кофе влияет на людей больше, чем должен, — признаюсь наконец. — Но я думала, что это просто совпадение.

Моя собеседница тем временем начинает взбивать молоко. Пена поднимается не обычным белым облаком, а переливающейся субстанцией, которая меняет форму, повторяя движения её руки.

Я моргаю. Потом ещё раз. Пена точно не должна так себя вести.

— Но… как это возможно? — выдыхаю я, наблюдая за этим зрелищем.

— Кофейная магия, — обыденным тоном объясняет Виола, вливая молочную пену в капучино. — Человек, обладающий даром, может передавать свои эмоции, намерения, даже мысли через напитки, которые готовит.

Она протягивает мне чашку. Я беру её и делаю глоток. И возникает странное чувство, будто кто-то внутри говорит: «Ну что, Алиса, держись! Ты справишься». Но не словами, а ощущениями.

— Ого, — выдыхаю я, ставя чашку на стойку. — Что это было?

— Это то, каким может стать кофе, когда его готовят с пониманием его истинной природы, — отвечает Виола с довольной улыбкой. — А теперь попробуй сделать так сама.

Она указывает на кофемашину – старинную красавицу из полированной меди с множеством рычагов, кнопок и манометров.

— Но я так не умею... — начинаю я. — Я же не маг.

— Ты маг, — не моргнув глазом, сообщает Виола. — Ты уже делала так, просто не знала, что это магия. Тот капучино для Петрова — не совпадение. И остальные клиенты тоже.

Я смотрю на неё, пытаясь переварить эту информацию. Значит, всё, что происходило в «Бэйжстаре», — не случайность? Те клиенты, которые вдруг начинали звонить родным. Тот парень в помятой рубашке. Пожилой мужчина, который помирился с сыном. Вся та странная неделя, когда я чувствовала себя психологом на горячей линии.

— Так я что, — медленно говорю я, — всё это время была не просто бариста, а ходячим антидепрессантом?

— Если хочешь так это называть, — пожимает плечами Виола. — Но на деле — ты просто направляла магию через проводник — кофе.

Так. Кофе — проводник. Магии. Что ещё интересного расскажут в этой кофейне?

И всё же на время отключаю иронию и подхожу к кофемашине. Начинаю готовить эспрессо. Стараюсь делать всё то же, что делала Виола. Пытаюсь сосредоточиться на чём-то

позитивном. Например, на том, что у меня в холодильнике есть хоть какая-то еда. Потом на том, что Денис обещал вечером принести кофе. Маленькие радости.

Эспрессо, который получается в итоге, выглядит необычно. Жидкость переливается золотистыми оттенками, а поверхность покрывает пена с какими-то искорками.

— Теперь попробуй, — предлагает Виола.

Делаю глоток собственного творения и застываю. Вкус потрясающий — насыщенный, сложный, с нотами, которых я никогда раньше не различала. Но главное не во вкусе, а в том, что каждый глоток несёт в себе ощущение непоколебимой уверенности в завтрашнем дне. Как будто я выпила оптимизм в чистом виде.

— Невероятно, — шепчу я. — Я действительно могу это делать.

— Более того, — говорит Виола, обходя стойку и останавливаясь рядом, — ты можешь делать это лучше большинства тех, кто изучает магию годами. У тебя хорошая чувствительность к эмоциональным полям, способность к эмпатическому резонансу и… врождённая сила.

— Но это же не просто работа, — вдруг понимаю я, отрываясь от чашки. — Вы хотите предложить мне нечто большее.

Виола кивает, и выражение её лица становится серьёзным, почти торжественным.

— То, что я хочу предложить — это инициация и началь-

ное обучение магии. Обучение в Академии магов ты сможешь пройти, когда выберешь сторону и получишь статус мага. И как раз для этого я тебя поднатаскаю.

— Любопытно. А что за сторону я должна выбрать?

— В магическом мире есть фракции магов, которые противостоят друг другу. Согласившись работать здесь, ты станешь видима для них.

— Что ещё за фракции? — напрягаюсь я. — Конкуренты? Другие кофейни?

— Если говорить человеческим языком, — терпеливо продолжает Виола, — то есть «светлые» и «тёмные» маги. Но это слишком упрощённо, в реальности всё сложнее.

Смотрю на неё, пытаясь осознать, насколько всё может быть сложнее.

— А если я откажусь? — спрашиваю, хотя где-то глубоко внутри уже знаю ответ.

— Ты можешь отказаться и вернуться к прежней жизни. Но она уже не будет прежней. Твой дар не исчезнет, он будет проявляться всё сильнее. И тогда в конце концов тебя найдут те, кто интересуются подобными способностями. Вопрос лишь в том, будешь ли ты к этому моменту готова или останешься беззащитной.

Растерянно киваю. Конечно, я не хочу остаться беззащитной.

Если я сейчас уйду, что меня ждёт? Снова рассылать резюме, получать отказы, есть доширак и думать, как платить

за ипотеку? Не самый блестящий план.

— Ладно, — выдыхаю. — Я согласна. Что нужно делать?

Виола протягивает руки к моим ладоням.

— Инициация, — говорит она. — Положи руки на кофемашину.

Я делаю, как она говорит. Металл теплеет под пальцами. На секунду мне я чувствую что-то вроде слабого тока. Или это просто моё воображение разыгралось от недосыпа и голода.

— Ничего не чувствую, — сообщаю я.

— Подожди, — улыбается Виола.

И тут — или мне кажется — мир становится чуть ярче. Цвета — насыщеннее. Запахи — чётче. У Виолы в кофейне так упоительно пахнет выпечкой, что я судорожно вдыхаю воздух, словно у меня началось кислородное голодание. И не кислородное тоже.

— Это инициация так действует? — уточняю я. — А сертификат будет? В моей жизни были собеседования сложнее, и там давали хотя бы ручку на память. А тут — только усиленные ощущения и чувство, что я зря не позавтракала.

— Добро пожаловать в настоящий мир, Алиса, — произносит Виола. И тут же тянется под стойку за старинной книгой в кожаном переплёте. — Это Кофейный Кодекс. Вместо сертификата. Твоё образование начинается с этой книги.

Принимаю фолиант. Он тяжёлый. Кожа на обложке настоящая. С тиснёными символами, которые почему-то хочется потрогать. Что я и делаю. Провожу пальцами по тиснёному узору — и на секунду мне кажется, что символы слабо пульсируют под подушечками.

— Ты, наверное, голодная, — вдруг говорит Виола, и я понимаю, что она не спрашивает. — Иди сюда.

Она манит меня за стойку, к небольшому столику у окна, накрытому льняной скатертью. Я послушно сажусь, и через минуту передо мной появляется тарелка с таким ароматом, от которого можно потерять сознание. Виола убирает полотенце. Пирог. С мясом. И специями.

— Это не из магазина, — поясняет она, ставя передо мной чашку. — Сами выпекаем. А это — иван-чай, тебе нужно восстановиться после инициации.

— Спасибо, — выдавливаю я, отламывая кусок. И замолкаю, потому что говорить уже не могу.

Это не пирог. Это откровение. Слоёное тесто, тающее во рту, начинка с привкусом пряных трав, который звучит не громко, а так — шёпотом. Я закрываю глаза, наслаждаясь. И ловлю себя на мысли, что не помню, когда в последний раз ела что-то домашнее. Не из контейнера и не на бегу.

— Медленнее, — говорит Виола, присаживаясь напротив. — И чай пей.

— А вы всегда так кормите новеньких? — пытаюсь пошутить я, прожёвывая очередной кусок.

— Только тех, кто пришёл с пустым желудком и перепачканным дошираком сознанием, — абсолютно серьёзно отвечает Виола.

Интересно, она шутит или это магическое зрение? Решаю не уточнять.

Хозяйка кофейни отвлекается на посетителей, и я какое-то время жую в одиночестве. И почти в тишине — если не считать гудение кофемашины и негромкие разговоры за столиками.

Через пятнадцать минут чувствую себя почти человеком. Пирог съеден до крошки, чай допит, и внутри разливается странная теплота, которая не имеет отношения к инициации.

— Спасибо, — поднимаюсь и искренне благодарю Виолу. — Это было… очень вовремя.

— Я знаю, — улыбается она. — Завтра будет трудный день. Силы пригодятся. Начинаем ровно в девять, не опаздывай.

Выхожу из «Зёрен истины» и улыбаюсь. Я — маг. Звучит как шутка, которую Денис придумал бы в своём репертуаре. Или как название сериала.

Телефон вибрирует: сообщение от Виолы с тем же текстом: «Обучение начинается завтра в девять. Не опаздывай». Да ради таких перекусов я согласна приходить сильно заранее!

Шагаю по улице и теперь уже отчетливо замечаю, что краски мира стали ярче. Или так повлияло то, что я нако-

нец-то вышла на улицу сытой. Скорее второе.

Кажется, моя прежняя жизнь закончилась. А новая начнётся завтра.

Надеюсь, маги не превратят меня в очередной мем. И ещё рассчитываю на нормальный обед раз в сутки — студенты должны хорошо питаться.

Глава 5. Тайное меню

Рассвет следующего дня встречаю в «Зёрнах истины». Солнце просачивается через витражные окна, разливаясь янтарным светом так щедро, будто кто-то там наверху решил: «Ну, раз у нас тут магическая кофейня, пусть будет красиво».

Сижу за стойкой, поджав под стул ноги, рассматриваю страницы Кофейного Кодекса. Ловлю себя на мысли, что эту книгу писали древние монахи-бариста, которые большую часть времени изучали человеческую душу, а не кофейный помол. Здесь описывается «симпатическая магия как искусство вплетения намерений и эмоций в потребляемые субстанции, где кофе служит одним из самых мощных проводников» (да, это цитата, сама бы я такое не выговорила).

Провожу пальцами по картинкам с «правильными положениями рук для направления энергии во время помола» и думаю: ага, вот почему у меня кофе выходит нервным — ладони ещё не выучили правильный угол.

Виола скользит между столиками так легко, что я начинаю подозревать у неё наличие встроенного вечного двигателя. Она умудряется одновременно подавать заказы, подмечать мои ошибки и кидать на меня взгляды, от которых хочется вытянуться, как школьнице на экзамене.

Повторяю базовые приёмы из Кодекса. Руки уже двигают-

ся чуть увереннее, а узоры на кофейной пенке (они в Кодексе называются рунами) стали более чёткими.

И всё же волнуюсь, поэтому стоит мне взяться за кофемашину, руки выдают лёгкую дрожь. Зёрна, молоко, пена — всё привычно, но результат выходит… так себе. Вкус сваренного капучино явно проигрывает вчерашнему.

Виола пробует моё творение и кивает, будто подтверждая собственные подозрения.

— Ну что ж… Я почувствовала твою силу ещё вчера. Но вместе с силой увидела хаос. Мысли скачут, эмоции бурлят. Сразу поняла, что с таким даром Академия магов не справится. Поэтому взялась обучать тебя лично.

И она улыбается своей фирменной улыбкой: половина тепла, половина тайны.

А я кручу в голове мысли: «Академия магов? Она существует? Это сколько ж у моей учительницы влияния, что она сама решает, кого взять в ученики, и всё мимо этой Академии…»

— Ты варишь кофе сердцем, Алиса. — говорит Мадам Виола, скользнув по мне взглядом, от которого хочется автоматически подтянуть спину и поправить волосы. — Но сердце у тебя скачет, как необученный жеребёнок: то в галоп, то в сторону,

— Я сделала просто капучино… — пытаюсь оправдаться.

Хочу добавить: «базовый из Кодекса», но меня перебивают:

— Вот именно! А моя задача — научить тебя делать не «просто капучино», а напиток, который подчиняется твоему намерению. Чтобы ты была хозяйкой своей жизни и своего дара.

— Хозяйкой? — повторяю я.

— Да! – улыбается Виола. — Твоя цель обучения — научиться владеть собой. Только тогда ты сможешь владеть магией кофе, целенаправленно и глубоко вкладывать в него эмоции и состояния.

И я не удерживаюсь:

— Ну, с Петровым у меня уже вышло что-то глубокое, так что я продвинутая ученица. Правда, он потом так ловко отыграл назад, что хоть мастер-класс проводи: «Как скрыть сердечный кризис за улыбкой для прессы».

Виола слегка прищуривается:

— Он не сам по себе. Его слишком быстро поставили на ноги. За ним стоят те, кому выгодно, чтобы он оставался сильным.

Я усмехаюсь, будто услышала очередную конспирологическую теорию. Но внутри что-то ёкает. Слишком уж уверенно она это сказала.

— Это как? — уточняю.

Но Виола лишь пожимает плечами:

— Скажем так, не стоит недооценивать того, кто пьёт твой

кофе, а наутро выходит сиять на публику.

Не успеваю спросить, что она имела в виду, как получаю новое задание:

— Попробуем проще. Сделай латте, в котором будет спокойствие.

— Спокойствие? — вяло переспрашиваю я. — То есть совсем без драмы?

— Именно, — усмехается она.

Я вдыхаю глубже, закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться. Думаю о ровном дыхании, о тихой поверхности озера, о йоге на рассвете. Но ровно через десять секунд мозг возвращается к списку моих долгов и непонятной тревоге по поводу Петрова.

Когда латте готов, чувствую, что что-то пошло не так. Вкус — резкий, чуть с горчинкой, как у плохого утра понедельника.

Виола пробует и кивает.

— Вот и весь твой внутренний шторм. Ты ещё не умеешь его отключать.

Я вздыхаю. Кажется, быть магом — это не только романтика и сияние аур, но ещё и суровая терапия в стиле «разберись со своими тараканами, иначе они сварят эспрессо вместо тебя».

— Получается, на мне лежит ответственность не только за пенку, но и за весь внутренний бардак?

— Именно, — спокойно отвечает Виола.

Стою за стойкой «Зёрен истины» с дымящейся чашкой в руках и пытаюсь понять, почему у меня всё ещё дрожат пальцы. Виола наблюдает за мной, будто видит насквозь — и кофе, и меня вместе с ним.

— Запомни, Алиса, — говорит она, не отрывая взгляда. — Кофе — не напиток. Это проводник. Ты варишь не зерна и не молоко. Ты варишь эмоции и состояния.

Я фыркаю, стараясь скрыть волнение:

— То есть латте у нас идёт с корицей и лёгкой паникой бариста?

Виола приподнимает уголки губ — то ли улыбка, то ли ирония.

— Иногда и так. Но есть проверенные сочетания. «Эспрессо правды», например. Выпьешь — и вываливаешь наружу всё, что скрывал годами.

Я чуть ли не поперхнулась воздухом, вспомнив растерянное лицо одного «гения бизнеса».

— О, это явно мой профиль!

— У тебя врождённый дар, — спокойно подтверждает она. — А вот «Латте смелости» — другое дело. Его пьют перед экзаменами, признаниями, важными разговорами.

Я на секунду задумываюсь и хмыкаю:

— Полезная вещь. Вот бы моей соседке налить: всё никак не признается мужу, куда её сбережения улетели.

— Не играй с этим, — пресекает меня Виола. — Магические эксперименты без контроля доводят до беды.

Она продолжает перечислять названия напитков и будто открывает передо мной целую карту неизвестного мира.

— «Капучино примирения» — для пар, которые уже на грани развода. «Мокко вдохновения» — для художников и писателей, у которых руки опускаются. «Американо решимости» — для тех, кто никак не может решиться на первый шаг.

Слушаю и чувствую, как в груди что-то замирает: будто мне показывают секретный список заклинаний, но в виде кофе.

— Есть ещё «Раф уюта», — добавляет Виола. — Выпьешь — и кажется, будто снова в своей комнате детства, под пледом, и всё спокойно.

Я едва не вздыхаю вслух. Вот бы себе такой — пить каждый вечер.

— Не стоит злоупотреблять, — пресекает мои мысли Виола, словно прочитав их. — Магия — не игрушка. Она должна быть в нужное время и в нужном месте.

— Это как? — интересуюсь я.

— Иногда кофейных магов приглашают на дом, — говорит Виола. — Тайно. Большинство людей о таких услугах не знают.

Я приподнимаю бровь:

— Тайно — это как? Пароль-отзыв? «Три рафа без сиропа»?

— Нет, — качает головой Виола. — Услугами пользуют-

ся сами маги. И ещё люди, облечённые властью. Политики, руководители корпораций… Некоторым из них дозволено знать. Но для них всё это остаётся экзотикой.

Складываю руки на груди и выдаю наполовину шутливо:

— Отлично. Значит, кофе — это не бодрость, а манипуляции в красивой чашке.

Виола смотрит так, что становится немного стыдно.

— Не манипуляции, Алиса! А проводник. Что вложишь — то и получит человек.

У сильных магов эффект держится днями. У обычных — минут сорок.

— Сорок минут… — бормочу я. — Это примерно столько, сколько я могу держаться без шоколадки.

Виола смеётся, но тут же снова становится серьёзной:

— Учись. Пока твоё дело — не сжигать молочную пенку и собственные нервы.

Я киваю, хотя внутри снова скачет тот самый «жеребёнок». Слишком многое в этом мире заваривается крепче, чем я готова воспринять.

***

Вечером в домофон звонят.

Я уже знаю, кто там: за неделю этот ритуал стал привычнее утреннего кофе. Денис снова стоит на пороге с фирменным пакетом из «Бэйжстара». Достаёт большой кофейный стаканчик и бумажный свёрток, из которого пахнет свежей

выпечкой. Улыбается своей ироничной улыбкой.

— Гуманитарная миссия с кофеином, стандартный набор: латте и круассаны. Но раз уж ты сегодня вся сияешь, то может и я получу кусочек?

— Заходи!

Я отхожу в сторону, пропуская его внутрь.

— Судя по твоему лицу, ты либо выиграла кофейный кубок вселенной, либо тебя посвятили в тайный орден бариста-философов.

— Почти угадал.

Мы садимся за стол. Денис протягивает мне латте, сам открывает пакет с круассанами и начинает жевать.

Сказать ему? Не сказать? Он жуёт круассан так спокойно и буднично, будто между нами нет ничего тайного, будто моя жизнь всё ещё простая и понятная. А на самом деле…

В голове поднимается целый хор сомнений. Денис рационалист, человек логики и сарказма. Всегда говорил, что чудеса — это лишь совпадения, удачные обстоятельства и немного психологии. Если я расскажу, он решит, что я сошла с ума.

Но потом я смотрю на него — знакомая улыбка, этот вечный скепсис и умение вовремя разрядить обстановку. Он — кусочек моей старой стабильной жизни, нормальной, где всё сводилось к дружеским подколкам и марафонам «кто кого перешутит». Если не ему, то кому я могу доверить правду?

— Ты сейчас выглядишь так, как будто решаешь судьбу человечества, глядя на латте, — нарушает тишину Денис.

Я нервно смеюсь. Сажусь напротив него.

— Денис, я хочу тебе кое-что рассказать. Но… обещай, что не сочтёшь меня сумасшедшей.

— Ты? Сумасшедшей? Алис, когда мы учились в универе, я видел, как ты за ночь написала диплом и при этом ещё умудрялась советовать соседям по общаге, как им жить. После этого я готов поверить, что ты как минимум шаман.

— Не шути сейчас, пожалуйста, — прошу я.

Он замирает. Впервые за всё время его улыбка исчезает.

— Ладно.

И я начинаю говорить. Про Виолу, про магов, про то, что они среди нас. Про то, что я теперь одна из них. Что кофе — это не просто напиток, а проводник. Что каждая пенка и каждая капля могут влиять на человека, создавая то состояние, которое заложил маг.

Когда я замолкаю, он сидит, открыв рот.

— Так, — наконец произносит он. — Алис… я люблю твои истории. Правда. Ты могла бы их публиковать в блоге, у тебя была бы аудитория. Но… ты ведь не хочешь сказать, что это всерьёз?

— Хочу, — твёрдо отвечаю я.

— То есть… магия. В наше время. В кофейне. Ты мне сейчас рассказала, что «Зёрна истины» — это филиал Хогвартса?

— Почти, — вздыхаю я.

Он поднимается, проходит по комнате, возвращается и

останавливается напротив меня.

— И ты думаешь, что я должен просто взять и поверить?

Я киваю.

Он смеётся нервно, неуверенно.

— Отлично. Тогда покажи что-нибудь. Не знаю… взмахни палочкой.

— Палочки у меня нет, но кое-что я могу, — резко отвечаю я.

Встаю, подхожу к кофемашине. Сердце бьётся где-то в висках. Руки слегка дрожат. Если не получится — он точно решит, что я сошла с ума.

Запускаю процесс приготовления. Аромат заполняет кухню. Я наливаю латте в чашку и концентрируюсь. Веду пальцем в воздухе, и пенка повторяет траекторию: плавный круг, затем линия, пересекающая его. Получается простая руна, светящаяся молочной белизной.

Денис открывает рот.

— Это… как? — он наклоняется ближе. — Ты… управляешь молочной пенкой?

— Не только. — Я протягиваю ему чашку. — Попробуй. Это латте для ясности ума.

Он колеблется, словно боится, что сейчас в чашке откроется портал. Но берёт. Медленно подносит к губам. Делает глоток.

Я вижу, как его лицо меняется: взгляд становится острым, пронзительным, дыхание выравнивается.

— Чёрт… — шепчет он. — Это… реально работает. Голова прояснилась, как после энергетика и холодного душа одновременно.

Я киваю.

— Теперь понимаешь?

Он ставит чашку, встаёт и начинает нервно ходить по кухне.

— Я не верю. То есть… верю. Но это невозможно. Ты понимаешь, насколько это рушит всю картину мира?

— Понимаю. Я сама до сих пор не до конца поверила.

— И ты серьёзно учишься у какого-то… мага? Настоящего?

— Да. Её зовут Виола.

Он долго молчит. Потом смотрит на пустую чашку.

— Я всё понял. Почему людям нравился твой кофе. Почему они вдруг начинали решать свои проблемы, говорить то, что давно держали в себе. Ты реально… чертовски магичишь.

Я усмехаюсь.

— Впервые вижу тебя без иронии.

— А я впервые выпил кофе, который прочистил мне мозги, — отвечает он. И, помолчав, добавляет: — Алис, только одно обещай. Пожалуйста.

— Да?

— Не вляпайся в слишком тёмные игры.

Его глаза серьёзные, как никогда. Я молча киваю.

***

Когда Денис уходит, в квартире становится неожиданно тихо и пусто.

В кухне ещё пахнет кофе, на столе его пустой стаканчик из «Бэйжстара». Сажусь за стол и открываю заметки в телефоне. Там список: что сказала Виола, какие упражнения дала.

Перечитываю говорящие названия напитков: «латте спокойствия», «эспрессо правды», «американо решимости». Отдельно отмечаю слова Виолы о том, что сильные маги могут закладывать эмоции и состояния в кофе так, что эффект длится часами, а обычные — не больше сорока минут. Интересно, а я как могу?

Во время собеседования Виола говорила про какие-то фракции, для которых я стану видимой после инициации и начала обучения в качестве мага. Как я пойму, что эти фракции меня «увидели»? Когда меня пригласят на тайное выездное кофеварение к людям, облечённым властью?

Почему-то вспоминается Петров. В ушах ещё звучит голос Виолы: «Он не сам по себе. За Петровым стоят силы, которым нужно, чтобы он оставался сильным».

Рассматриваю оставшийся круассан на столе и думаю: а вдруг это не просто её догадки, а правда? Вдруг Петров не просто циничный бизнесмен с непробиваемой харизмой? Может, его и правда кто-то «поддерживает» — те самые

фракции, которым выгодно, чтобы он оставался непотопляемым?

Вспоминаю ту пресс-конференцию. Его свежий, бодрый вид после… искренних признаний, когда он признался в одиночестве, раскрылся до боли… А на следующий день снова — железобетон. Как будто ничего не было!

Слишком быстро. Слишком идеально. Слишком подозрительно.

Фыркаю и пинаю ногой ножку стула. Вот ещё! С чего мне вообще думать о нём так много? Пусть себе играет в гения бизнеса. Мне-то что?

Но в груди неприятно тянет.

Глава 6. Кофейная дипломатия

Следующим утром прихожу в «Зёрна истины» с лёгким ощущением дежавю. Кажется, всё это уже было: запах свежеобжаренных зёрен, приглушённый свет, тихие столики у стены, за которыми сидят странные люди с видом заговорщиков.

Виола встречает меня так, будто именно сегодня я ей очень нужна. Машет рукой и кивает на дальний столик, где лежит толстая папка с золотыми буквами на обложке: «Гид креативных бариста кофейни “Зёрна истины”».

— Будем готовиться, Алиса. Через две недели важная встреча, — говорит Виола.

— Какое-то совещание? — осторожно уточняю я, хотя нутром чувствую: это будет совсем не офисная планёрка с печеньками.

— Стражи Рассвета и Хранители Сумерек проведут переговоры.

Ну вот и познакомились. О противоборствующих фракциях, тех, кого мне раньше туманно представляли как «светлых» и «тёмных», я знала только из кратких упоминаний Виолы. А тут эти фракции придут, сядут за столики, будут заказывать кофе… и смотреть на меня. Отличный повод для нервного срыва.

— И это всё будет… здесь? — оглядываю уютное помеще-

ние, пытаясь представить, как две организации магов, привыкших спорить о власти над миром, сидят бок о бок и обсуждают чьи-то авторские латте.

— Здесь. И твоя задача — не перепутать, кто «утренний», а кто «вечерний». — Виола кивает на папку на столе.

Беру документ в руки. Осторожно открываю, словно это секретное досье ЦРУ.

Текста не много, поэтому быстро пробегаю взглядом и пролистываю страницы:

Кофейня «Зёрна истины». Официальный гид для креативных бариста

1. ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП

Творчество приветствуется, но в рамках фирменного стиля. У нас два типа гостей — для каждого свои правила экспериментов.

Придумывайте смело! Если ваш напиток идеально вписывается в «Утренний» или «Вечерний» стиль — можете сразу предлагать гостям. Главное — сохранять чистоту вкусового направления.

2. ДЛЯ «УТРЕННИХ» ГОСТЕЙ

(Предпочитают мягкие, сладкие, яркие вкусы)

Разрешено:

• Создавать новые фруктово-ягодные сиропы

• Экспериментировать с текстурой молочной пенки

• Придумывать сезонные напитки с цветочными нотами

• Использовать съедобные украшения (золотая пыль, цветы)

Запрещено:

• Делать напитки крепче стандартного капучино

• Добавлять горькие или терпкие ингредиенты

• Использовать тёмные цвета в подаче

Пример удачного эксперимента: «Малиновый зефир» — латте с малиновым пюре и ванильной пенкой.

2.1. ЭКСПЕРИМЕНТЫ ДЛЯ «УТРЕННИХ»

(Нежные, сладкие, многослойные напитки)

Можно без согласования:

Новые комбинации сиропов (до 4 компонентов)

Авторские техники взбивания молока

Сезонные ограниченные версии

Необычные съедобные украшения

Примеры экспериментов для «УТРЕННИХ ГОСТЕЙ»

«Медовый рассвет»

Состав: Лавандовый латте с мёдом и пенкой из кокосового

молока

Фишка: Подаётся с карамельной нитью в форме солнца

«Облачная нежность»

Состав: Капучино с ванильно-фисташковым сиропом и воздушной зефирной пенкой

Подача: Посыпается розовой гималайской солью

«Персиковый шепот»

Состав: Раф с персиковым пюре, кардамоном и миндальным молоком

Особенность: Украшается съедобными лепестками роз

«Ванильное небо»

Состав: Латте с тройной ванилью и карамелизированным бананом

Изюминка: Подаётся с мини-круассаном на блюдце

5. «Грушевый бриз» — латте с грушевым пюре, ванильным сиропом и кокосовыми сливками.

3. ДЛЯ «ВЕЧЕРНИХ» ГОСТЕЙ

(Любят насыщенные, бодрящие, чистые вкусы)

Разрешено:

- Смешивать сорта эспрессо для новых блендов
- Добавлять благородные специи (кардамон, мускат)
- Разрабатывать авторские методы экстракции

• Экспериментировать с копчёными нотами

Запрещено:

• Добавлять сахарные сиропы (кроме 1/2 ложки по запросу)

• Использовать молоко больше 30 мл на порцию

• Делать напитки слаще классического американо

Пример удачного эксперимента: «Дубовый эспрессо» — кофе, настоянный на дубовых чипсах.

3.1. ЭКСПЕРИМЕНТЫ ДЛЯ «ВЕЧЕРНИХ»

(Чёткие, насыщенные, чистые вкусы)

Можно без согласования:

Авторские смеси зёрен

Новые методы заваривания

Благородные специи (без сахара)

Оригинальные подачи

Примеры удачных экспериментов ДЛЯ «ВЕЧЕРНИХ» ГОСТЕЙ:

«Гранитный характер»

Состав: Двойной эспрессо с щепоткой морской соли и тёртым тёмным шоколадом

Фишка: Подаётся с охлаждённой рюмкой для контраста температур

«Дымный коготь»

Состав: Ристретто с копчёными кофейными зёрнами и апельсиновой цедрой

Особенность: Ароматизируется дымом вишнёвого дерева прямо при гостях

«Чёрный бархат»

Состав: Американо холодного заваривания с экстрактом ванили и кайенским перцем

Подача: В бокале с ледяным шариком из кофейного льда

«Стальной закат»

Состав: Эспрессо-тоник с розмарином и грейпфрутовой цедрой

Изюминка: Украшается медной проволокой в форме молнии

«Дымный ветер» — эспрессо с копчёной солью и апельсиновой цедрой.

4. ОБЩИЕ ПРАВИЛА ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Чёткая идентификация: Название и описание должны сразу указывать тип гостя (Утренний/Вечерний)

Фикс-цена: Авторские напитки не могут стоить дороже базовых более чем на 15%

Вето шеф-бариста: Виола имеет право снять напиток с продажи без объяснений

5. НЕПРЕРЕКАЕМЫЕ ЗАПРЕТЫ

× Смешивать профили «Утренних» и «Вечерних» напитков

× Использовать алкоголь

× Применять ингредиенты с истёкшим сроком годности

× Менять рецептуру классических позиций меню

6. ПРАВИЛА НАИМЕНОВАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Для «Утренних»:

Использовать светлые, воздушные образы («Облако», «Шёпот», «Роса»)

Акцент на природные элементы («Персиковый», «Лавандовый», «Медовый»)

Для «Вечерних»:

Выбирать твёрдые, брутальные ассоциации («Гранит», «Сталь», «Коготь»)

Делать упор на текстуры («Бархат», «Дым», «Гравий")

7. ИДЕИ ДЛЯ БУДУЩИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Для «Утренних»:

«Клубничный туман» — холодный латте с клубничным пюре и мятной пеной

«Золотой ветер» — капучино с куркумой и мёдом

Для «Вечерних»:

«Вулканический пепел» — эспрессо с активированным углём и чёрной солью

«Мраморный удар» — кофе с тонизирующими травами и мраморной крошкой

Помни: даже самый гениальный эксперимент — ничто,

если его нельзя стабильно повторить в час пик.

Нет, ну звучит как банальная корпоративная инструкция!

Я тихо фыркаю.

— У нас тут, похоже, дипломатия через пенку, — почти шепчу, но Виола слышит.

— Именно, — кивает она. — Ошибёшься со вкусом — и уже не напиток, а политический скандал.

Я возвращаюсь к прочитанным страницам. «Малиновый зефир», «Медовый рассвет»… всё это больше похоже на детское меню. А вот «Гранитный характер» и «Дымный коготь» уже звучат как названия новых альбомов тяжёлой метал-группы.

— Удобно, конечно, — бурчу я. — Встретились бы они где-нибудь в другом месте — сцепились бы. А у нас сцепляются вкусы.

— Бариста здесь — как дипломаты, — спокойно подтверждает Виола.

Я прикусываю губу. Звучит красиво, но где-то внутри меня растёт паника. Я же едва справляюсь со своим магическим кофе, а тут — обслуживать людей, от которых зависит равновесие в магическом мире. Ничего себе, пустяк! Главное — не перепутать зефир с копчёными зёрнами.

— Важное правило, Алиса, — Виола складывает руки на груди, — Думаю, ты уже заметила, когда читала названия. На переговорах кофе должен быть исключительно немагический.

Я чуть не роняю папку.

— Не… немагический?

— Да. Ты варишь обычный кофе, без вмешательства магии.

Я открываю рот. Опять смотрю на названия напитков из гайда. Да! Тут нет «Американо решимости» или «Латте правды». Сплошь ванильные небеса или стальные удары.

— Справишься? — спрашивает Виола.

Я пожимаю плечами.

— Попробую.

Она кивает на кофемашину:

— Представь, что к нам зашёл «вечерний гость». Сделай напиток для него.

Я делаю глубокий вдох. Ладно. Вечерний гость — значит крепко, насыщенно, без всего этого сахарного облака. Я ставлю холдер, запускаю машину, иду по инструкции из «Гида». Вроде всё правильно. Улыбаюсь, вспоминая Дениса: он бы одобрил.

Наливаю в чашку, пробую. И понимаю: вышло слишком мягко. Как будто я подсознательно добавила туда чуточку эмоциональной «утренности».

Виола пробует и хмурится.

— Слишком сладко. Если подашь такое «вечернему» — он решит, что ты издеваешься.

— Я даже не добавляла никаких сиропов, — оправдываюсь я.

— Вот именно поэтому мы и тренируемся, — строго отвечает она. — Держи эмоции при себе, поставь стеклянную стену между чашкой и тобой. Одна эмоциональная ошибка — и твоя чашка может стать причиной войны.

Нервно смеюсь, но внутри становится холодно. Я же вспоминала Дениса! Отлично. Теперь любая лишняя мысль с эмоциями — это потенциальный конец света.

— Попробуй ещё раз. Но теперь — для «утреннего гостя».

Сильно зажмуриваюсь, а потом широко открываю глаза. Ладно. Ставлю непроницаемую стену. Никаких эмоций. Никакой магии. Делаю шаг за шагом, как в «Гиде». И на этот раз напиток получается именно таким, как нужно.

Виола пробует, и её взгляд смягчается.

— Вот. Утренний гость был бы доволен.

Я выдыхаю.

— То есть теперь я умею… предотвращать мировые конфликты при помощи пенки? — спрашиваю я.

Виола чуть улыбается.

— Можно и так сказать. Кофейня «Зёрна истины» – это нейтральная территория, куда обе фракции приходят проводить переговоры, магические стычки здесь запрещены. Но магический кофе может обострить их отношения.

А я смотрю на свой латте и думаю: «Да уж. Одни пишут трактаты о мире, другие ведут переговоры в ООН. А я учусь балансировать вселенную между зефиром и дымом».

***

После обеда Виола ведёт меня за маленький столик у окна.

Я замечаю этого человека сразу.

Не потому что он громкий или броский — наоборот, в этом мужчине всё будто приглушено. Но именно это и привлекает внимание: он сидит за столиком, спокойно держит чашку, и вокруг него тишина словно уплотняется. Ему лет тридцать, может, чуть больше. Тёмные волосы коротко подстрижены, на лице мягкая небритость, а синие глаза — ясные, как утро после дождя.

— Алиса, — окликает меня Виола. — Познакомься. Это Дмитрий. Старый друг, которому я доверяю.

Я автоматически улыбаюсь, но внутри возникает чувство, что в меня хотят впихнуть какую-то новую учебную программу.

— Дмитрий когда-то был Стражем Рассвета, — говорит Виола. — А теперь… он свободный волонтёр.

— Вижу, мода на фрилансеров добралась и до магов, — не удерживаюсь я.

Дмитрий усмехается и слегка кивает, как человек, которому этот комментарий делают не в первый раз.

— Можно и так сказать. Теперь я завариваю кофе только тем, кому хочу. И учу, если попросят.

Я украдкой смотрю на Виолу: так и знала, что она привела мне нового наставника! Виола делает вид, что разгляды-

вает стену за Дмитрием, словно там вот-вот проступит карта звёздного неба.

— А меня, выходит, тоже будете учить? — уточняю я.

— Если сама этого захочешь, — спокойно отвечает Дмитрий. — Магия не терпит давления.

— Это у вас в книге так написано? — киваю я на что-то похожее на школьный учебник, лежащий перед ним.

— Это в природе кофе, — парирует он и медленно отхлёбывает из чашки с видом, как будто сделал шах и мат.

Присаживаюсь за столик. Виола обменивается с ним парой фраз, как будто проверяет: всё ли по плану. А потом оставляет нас вдвоём, и я не уверена, радует это меня или напрягает.

— Ты уже знаешь кое-что о магии, — спокойно говорит Дмитрий. — Но главное — не то, что маги существуют. Главное — зачем они используют силу.

Киваю, пытаясь выглядеть умнее, чем чувствую себя на самом деле.

— Я был среди Стражей Рассвета, — продолжает он. — Они верят, что должны оберегать обычных людей от знаний о магии, а мир — от влияния тьмы. Я уважал эти идеалы… но устал от нетерпимости. Потом был выбор: уйти в Хранители Сумерек или остаться свободным. Я выбрал второе.

— И вы думаете, что если я найду ответ на вопрос «зачем», то смогу научиться чему-то большему? — спрашиваю я.

Он смотрит прямо:

— Думаю, сможешь понять главное: магия — это не о том, чтобы подчинять. Она о том, чтобы поддерживать.

— За этим вас привела Виола? — спрашиваю я.

Дмитрий улыбается мягко:

— За тем, чтобы я мог тебе показать, что магия не всегда про власть и игры в политику. Она может быть про лёгкость. Про то, как дать человеку силу, не отнимая у него выбора.

И вот тут во мне что-то ёкает. После Виолы и её намёков на «опасных игроков», слова Дмитрия звучат как глоток воды. Или как идеальный глоток капучино после трёх неудачных.

Он подаёт мне книгу. Средней толщины том в тёмно-коричневом переплёте, с золотым тиснением. На обложке — символ зерна, из которого расходятся лучи.

— Кофейный Кодекс, — сообщает в ответ на мой вопросительный взгляд. — Такой, как у Виолы, только современное издание.

Киваю: ага, значит, не все книги у кофейных магов выглядят как древние фолианты. Интересно, может, и в интернете есть секретные сайты с электронной версией кодекса, недоступные для обычных людей?

— На сайтах эту информацию не совсем удобно размещать, — говорит Дмитрий, словно читая мои мысли. — мо-

гут взломать. А Стражи Рассвета горой стоят за то, чтобы о магах знало как можно меньше людей.

«О, вон оно как! — грустно думаю я. — А я Денису рассказала. Надеюсь, тут нет наказания за то, что о магах стало известно одному лишнему… нет, совершенно не лишнему человеку…»

Осторожно беру кодекс, словно он может зашипеть и укусить меня за палец.

— Читай, — просит он.

Я раскрываю и попадаю на страницу с тяжеловесной надписью:

«Дающий напиток обязан помнить: вкус — лишь оболочка. Истинный смысл напитка — в мысли, вложенной в него».

— Звучит будто это цитата из трактата восточной философии, — бурчу я.

Виола в это время скользит мимо нас с подносом и бросает на меня взгляд, который я распознаю как: Алиса, не язви слишком громко, а то останешься без ужина.

Дмитрий лишь слегка улыбается, будто мои реплики его забавляют.

— Я предлагаю попробовать, — говорит он. — Сама увидишь разницу.

И вот тут я понимаю: выбора у меня нет. Если Виола говорит «доверься», а Дмитрий предлагает «попробовать», зна-

чит, в ближайшие полчаса я точно окажусь подопытным кроликом.

Мы садимся за отдельный столик. На нём уже стоит чашка чёрного кофе — без молока, без сахара, без защитных рунических узоров. Просто жидкий мрак в фарфоре.

Дмитрий кладёт ладони по обе стороны чашки, словно хочет согреться, и спокойно дышит. Я ожидаю увидеть привычные движения — руны, знаки, хотя бы пару эффектных взмахов. Но нет. Он просто сидит. Молчит. Дышит.

И вдруг кофе меняется.

Аромат становится теплее, словно в него добавили немного корицы. На поверхности проступает мягкое свечение — не яркое, а едва заметное, золотистое, как солнечный луч сквозь тюль.

— Попробуй угадать мысль или состояние, которое вложено в кофе, — Дмитрий подвигает чашку ко мне.

Я делаю глоток — и будто кто-то распахивает окно в моей голове. Никаких образов, никаких вспышек, просто ясность. Мысли собираются в аккуратные стопки, как книги в библиотеке. Никакой привычной горчинки — только мягкость.

— Что-то связанное с порядком? — поднимаю брови я.

Он усмехается:

— Почти угадала. Тут мысль: «Всё в порядке».

— Так, поняла. — держу чашку на уровне глаз. — Значит, в кофе можно вкладывать не только эмоцию, но и мысль.

— Всё взаимосвязано. — спокойно кивает Дмитрий. — Мысль вызывает эмоцию, а эмоции влияют на мысли. Но всё же первична мысль.

Отлично. Теперь смахивает на философию, которой мне хватило в универе, но постараюсь запомнить.

— Попробуй теперь ты, за кофемашиной. Сделай кофе и вложи туда мысль: «Ты свободен выбирать».

Встаю, иду к кофемашине, нервничаю. Дмитрий подходит за мной. Кажется, у меня руки дрожат сильнее, чем струя воды в бойлере. Но я всё равно насыпаю зёрна, запускаю, потом взбиваю молоко.

Получается латте с кривым сердечком. Дмитрий смотрит внимательно.

— Что вложила?

— Мысль о свободе. Хотя если честно, больше мысли «лишь бы не облажаться».

— Да, — он пробует глоток. — Свобода чувствуется. Но пока больше тревога, чем свобода.

Я вздыхаю и падаю на стул за кофемашиной.

— Вот именно. Из меня маг, как из растворимого кофе — эспрессо.

— Ошибаешься, — Дмитрий спокойно берёт чашку и поворачивает ко мне. — Смотри.

На поверхности пенки проступает что-то вроде лёгкой линии — словно перо, проведённое молочной пеной. Оно мерцает и исчезает.

Я замираю.

— Это… я сделала?

— Ты, — он кивает. — Даже когда думаешь, что облажалась, в тебе работает сила. Нужно только научиться доверять себе.

Дмитрий берёт кодекс, листает.

— Вот! — он показывает картинку. — Сделай латте с таким смайликом и вложи мысль «всё можно пережить».

— А если у меня получится психопатический смайл, от которого захочется плакать?

— Тогда это будет тоже опыт, — он смеётся.

Я пробую. Получается что-то похожее на жабу, пытающуюся улыбнуться. Дмитрий смотрит, кивает серьёзно:

— Великолепно. Искусство абстракции.

Мы смеёмся оба. Я пробую свой кофе и чувствую, что внутри действительно становится легче.

И впервые за весь этот день я думаю: а всё-таки здорово, что магия — это не только про тайные войны и подозрительных олигар… то есть «людей, облечённых властью». Оказывается, она иногда про то, чтобы просто подарить кому-то чашку тепла.

***

Вечером ещё не успеваю дойти до подъезда, как сразу замечаю чёрный «Майбах», припаркованный у обочины так,

словно улица внезапно стала чьей-то личной парковкой.

Даже в тусклом свете сумерек машина сияет, как реквизит из фильма про миллиардеров. На углу — двое охранников в строгих костюмах. Ребята старательно делают вид, что рассматривают витрину с бытовой техникой, но их подтянутая осанка и каждое настороженное движение выдают их с головой.

А рядом с авто — Виктор Петров. Кто бы мог подумать! Элегантный до смешного: костюм сидит так идеально, что кажется, будто его гладили прямо на нём. Улыбка — открытая, тёплая… даже слишком. Такая, которой обычно украшают обложки журнала Форбс и рекламные акции.

— Алиса, рад, что удалось встретиться, — произносит он, будто мы старые друзья, случайно пересёкшиеся во дворе.

— Да уж, — отвечаю я, скрещивая руки на груди. — Не каждый день возле моего дома проходит парад автомобилей класса «люкс».

Петров чуть смеётся, как будто моя колкость — не колкость вовсе, а похвала.

— Хотел поговорить с вами лично.

— Могли бы узнать телефон у менеджеров «Бэйжстара». Зачем так напрягать себя и других? — киваю в сторону охранников, не справившихся с задачей быть незаметными.

Он даже не поворачивается в сторону своих ребят у магазина бытовой техники, кидающих в нашу сторону сканиру-

ющие взгляды.

И вдруг делает шаг ближе, голос становится мягче, почти доверительным:

— Слышал, у вас были сложности… после того недоразумения в кофейне. Мемы, все эти ролики… Они бывают милыми только в первые сутки. Потом становятся клеймом.

Я хмыкаю.

— Было дело. На работу не брали. Из-за мемного бэкграунда... Не каждый хочет, чтобы с его клиентами работал ходячий мем. — вздыхаю, потом слегка улыбаюсь: — Но, знаете… Этот вопрос удалось решить. Два дня назад меня приняли на работу. Так что… всё уже хорошо, господин Петров. Мемы — это уже прошлое.

Он приподнимает брови, но улыбка не гаснет.

— Всё равно, как бы там ни было, я умею работать с медийной репутацией. Могу сделать так, что все будут видеть в вас не «героиню мемов», а «новую звезду кофейного дела».

— Ого. И как это произойдёт? — спрашиваю я и вдруг понимаю: просто так миллиардеры на улицах не дежурят.

— У меня есть проект, — отвечает он почти торжественно. — Сеть авторских кофеен. И я хотел бы, чтобы именно вы стали лицом этой сети. Ваш талант, ваша харизма — это то, что нужно.

«Харизма», — мысленно усмехаюсь я.

«И талант», — тоже добавляю мысленно и чуть не смеюсь вслух.

Интересно, как и, главное, где он узрел мой талант, что сейчас говорит об этом с такой убежденностью?

— Интересное предложение! Предположим, я согласилась — в теории, чисто гипотетически. И что, вы не будете вмешиваться, да? — я прищуриваюсь.

Он улыбается шире, жест рукой лёгкий, как будто отмахивается от ненужных подозрений:

— Вы останетесь собой. Я буду поставлять вам лучшие зерна, предоставлю курсы за рубежом, необходимые ресурсы. Всё, чего заслуживает человек вашего уровня.

Моего уровня, значит. Ага. Тот же вопрос: когда и где он вообще понял, что у меня есть какой-то там уровень? В кофейне «Бэйжстар», после своих рыданий в рамках пиар-кампании?

— Звучит, как реклама хорошего, но дорогого кредита, — замечаю я.

Петров наклоняет голову, делает голос тише, почти заговорщицки:

— Это не кредит. Это свобода. Свобода от мемов. Новая репутация. Новый уровень.

Я смотрю на него и думаю: свобода — звучит красиво. Но действительно ли я сейчас нуждаюсь в спасении? На прошлой неделе — может быть да. Скорее всего, да. А сейчас — нет. Сейчас — слишком поздно меня спасать.

— Подумайте, — Петров решительно протягивает мне визитку. Белая, с золотым тиснением, от неё пахнет дорогим парфюмом. — И позвоните до десятого числа.

Машинально беру карточку. Мозг цепляется за дату, которую он назвал — и внутри всё замирает. Десятое число. То самое, когда у Виолы в кофейне должны состояться переговоры Стражей Рассвета и Хранителей Сумерек. Совпадение? Может быть. Но…

— Я подумаю, — говорю я вслух.

Улыбка Петрова становится чуть шире, как будто он получил именно тот ответ, который хотел.

А я уже твёрдо знаю: откажусь. Просто не сейчас. Сейчас слишком много глаз.

Он кивает, садится в свой «Майбах», и машина бесшумно отъезжает. На углу охрана исчезает так же внезапно, как появилась.

Стою у подъезда, сжимаю в ладони визитку и смотрю, как «Майбах» растворяется в потоке машин. Улица снова обычная: люди идут с сумками, собака тянет хозяина к кустам, автобус ревёт у остановки. Но внутри меня недоумение.

Прокручиваю его слова снова и снова. Гладкие, уверенные, как отполированные камешки. Поддержка, свобода, ре-

путация, новая жизнь. Всё это звучит соблазнительно, если бы не одно «но»: почему именно мне он всё это предлагает?

Обычным людям с харизмой и талантом миллиардеры не предлагают участие в своих проектах.

И почему ответ нужен до десятого числа?

Связан ли он со Стражами Рассвета или Хранителями Сумерек?

И если да, на чьей он стороне? Улыбка у него слишком светлая, почти «утренняя». Но холод в глазах — чисто «вечерний».

Может, он играет сразу за обе команды? Или вообще играет только за себя, как в шахматах, где он и белые, и чёрные фигуры одновременно?

И главное: зачем я ему? После того «стресс-теста», как он назвал свой публичный провал, от него ушли несколько партнёров. Банки, компании, важные клиенты — целая маленькая империя треснула по швам.

Я, Алиса-бариста, случайно подрезала крылья миллиардеру. По логике он должен меня ненавидеть.

Так не прячется ли за его улыбкой что-то совсем другое? Не предложение, а ловушка? Слишком сладкий контракт, слишком мягкие слова. Вдруг это способ заманить меня в клетку и аккуратно отомстить?

Я смотрю на визитку. Белая, из плотного картона, с золотым отливом. Слишком красивая, чтобы быть безопасной.

Откажусь, конечно, откажусь! Но пока пусть считает, что

я «думаю». Пусть усыпит собственную бдительность.

Как в тумане наконец поднимаюсь на свой четвёртый этаж.

Закрываю дверь квартиры и прислоняюсь к ней, всё ещё держа в руке визитку Петрова. Звонит домофон — открываю. Денис, с пакетом свежих круассанов в руках.

— Привет, — говорит он, заходя внутрь. — Принёс тебе сладкое в доказательство, что кто-то ещё заботится о твоём желудке.

— Очень кстати, — беру круассаны. — Сегодня был странный день.

Он разглядывает меня с лёгким удивлением.

А я хватаю его за руку, веду в кухню, и там пересказываю события дня: предстоящие переговоры, кофейная дипломатия, новый наставник по магии и визит олигарха в стиле «смотри, Алиса, я могу быть идеальным и загадочным одновременно».

— Отлично, — улыбается Денис. — Значит, ты выжила, осталась с визиткой и, скорее всего, слегка потрясена.

Я закатываю глаза. Он усаживается поудобнее.

— Знаешь, Алиса, если Петров думает, что визитка и пара красивых слов способны тебя купить, он сильно недооценил твою способность видеть сквозь олигархическую улыбку.

Я улыбаюсь, ощущая лёгкость.

— Да уж… И вижу я, что эта улыбка фальшивая.

Денис берёт один из круассанов, откусывает.

— Ну что ж, тогда желаю успешно определиться, что делать с визиткой и тем, кто решил сыграть в «поддержу, но держу в поле зрения». А я буду рядом, если захочешь посмеяться над этим или просто съесть ещё круассан.

Я беру визитку в руки и глубоко вздыхаю.

— Подумаю. Но, честно говоря, уже знаю, что откажусь.

Когда Денис уходит и я остаюсь одна в квартире, ставлю пакет с круассанами холодильник и сажусь на диван, снова держа визитку Петрова. Она такая же аккуратная и безупречная, как и он: белая, с золотым тиснением, словно маленькая вывеска «Идеальная улыбка Петрова».

Я скептически фыркаю. Кажется, каждый его жест выверен, каждая улыбка просчитана. Он умеет быть обаятельным и убедительным. Но что за этим стоит? Подлая игра или искренний интерес?

Медленно откидываюсь на диван. День был сумасшедший: кофе, магия, дипломатия, визит олигарха. Есть ощущение, что всё это начинает завязываться в один сложный узел, где мне придётся разбираться не только с кофейными рецептами, но и с людьми, которые решают судьбы других.

— Ладно, — шепчу я самой себе. — Я знаю, что откажусь.

А в голове звучит тихий голос: «Может, согласиться? … Быть на шаг впереди никогда не помешает».

Визитка лежит передо мной, как тихое напоминание, что чем дольше откладываешь, тем сложнее выбрать сторону. И всё же принимаю решение пока только ждать. И наблюдать.

Глава 7. Тень Сумерек

С утра Дмитрий отсутствует, и я уже начинаю скучать. Зато в середине дня он появляется в «Зёрнах истины» так, будто сходит с обложки старинной книги: длинное пальто пахнет травами и пылью библиотек, походка размеренная и спокойная, взгляд — как будто знает больше, чем кажется на первый взгляд. И всё же какой-то нерешённнный вопрос читается в глазах…

Сразу делает заказ — эспрессо с каплей мёда. Что вложить в кофе или сделать без магии — не говорит, и я интуитивно вкладываю нужную эмоцию. Просто руки сами сделали. Делаю вид, что всё нормально. Типа «да, так и задумано».

Он пробует и удивляется:

— Ого, сегодня тут что-то особенное.

Говорит без претензии, скорее с уважением. Я выдыхаю и объясняю, как могу:

— Когда запускаю кофемашину, вкладываю эмоцию в зависимости от состояния человека. Радость, спокойствие… ну или бодрость, если клиент выглядит как зомби. Вам сегодня нужна была помощь в разгадке какой-то тайны, это и вложила.

Дмитрий почему-то слушает так, будто я открыла ему сек-

рет мироздания.

— Забавно, — говорит он. — В славянской традиции делали именно это. Я ведь ещё этнограф, занимаюсь культурой древних славян. Так вот, тогда варили не кофе, а иван-чай, он тоже хороший проводник. И добавляли мёд. Наши предки верили: мёд несёт не только сладость, но и тепло, а иван-чай очищает голову от лишних мыслей. Всё связано — эмоция и субстанция.

Сегодня мы разговариваем долго. То о кофе, то о древних славянских традициях. Время пролетает незаметно, и только когда Виола негромко кашляет у двери, я понимаю, что время урока почти подошло к концу.

Дмитрий, наконец, созревает с практикой:

— Алиса, раз ты уже хорошо чувствуешь напиток, потренируйся так: сделай три чашки одинакового напитка, но с разным намерением. Допустим, одну — с бодростью, вторую — с лёгкостью, третью — с успокоением. А потом я попробую угадать, где какая. Это и будет твое упражнение.

Я киваю, делая вид, что всё под контролем, хотя внутри паника: «А если все три получатся с привкусом кофеиновой истерики?».

Дмитрий же улыбается своей спокойной «учительской» улыбкой:

— Всё получится. Ты интуитивно делаешь то, чему я учился годами.

Ладно. Делаю, как он сказал. Приношу три чашки на пробу.

Он пробует все по очереди и выносит вердикт:

— Всё хорошо, но в третьей чашке больше усталость, чем покой. Ты вложила картинку пруда, но сама не была спокойной. Кофе честный — он выдаёт не то, что ты хотела вложить, а то, что реально было в тебе.

Я морщусь. Вспоминаю, как представляла себе тихий пруд в парке. Вода ровная-ровная, комар ни разу не звякнул. Вздохнула и влила эту картину в чашку. А у самой в голове сплошной кавардак: Петров с его предложением, Денис с вечными шуточками, предстоящие переговоры магов — какое уж тут спокойствие?

— То есть кофе меня сдаёт с потрохами? Отлично. Предательский напиток.

Дмитрий улыбается мягко, без издёвки:

— Кофе не предатель. Он — зеркало.

И тут меня пробирает: он прав. Кофе показал мою внутреннюю сумятицу лучше всякого психолога.

— Ладно, — бурчу я. — Следующий раунд тренировки

— научиться самой быть спокойной.

— Именно, — кивает Дмитрий. — Магия начинается не с чашки, а с того, кто её готовит.

Отлично: всё, как и говорила Виола – я тут не только кофе варю, но и собственных тараканов успокаиваю.

Когда Дмитрий уходит, меня уже ждёт новое задание.

— Переговоры приближаются, — вздыхает Виола, моя строгая, но заботливая наставница и кивает на кофемашину: — Потренируйся на немагическом кофе. Это важнее, чем кажется.

Понимаю её: во время переговоров никакие магические изыски не помогут — только чистый вкус и техника. Ну, хоть в чём-то честный спорт.

Открываю «Гид креативных бариста» и выбираю «Малиновый рассвет». Кофейный кодекс молчит о таких рецептах, зато «Гид бариста» сияет подростковым оптимизмом: «Добавьте пюре из свежей малины — и этот напиток станет началом новой эры!» Началом эры липкости, скорее. Но делаю, как написано: эспрессо, малиновое пюре, чуть ванильного сиропа, сверху взбитое молоко. Вижу, как на пенке проступает светло-розовый узор, похожий на переливчатое облачко.

И именно в этот момент дверь открывается, и в кофейню «Зёрна истины» вплывает не кто-нибудь, а… Соня!

Она всегда умела появляться эффектно, но сегодня превзошла саму себя: длинный кожаный плащ, короткая стриж-

ка, как у Тринити из «Матрицы», а вид такой, словно только что перепрыгнула по крышам с десяток небоскрёбов.

У меня даже челюсть слегка отвисает — сейчас она достанет две таблетки и предложит выбрать, да? Нет?

— Оу, — Соня усмехается, глядя на мой розовый эксперимент и застывшую меня, — смотрю, ты уже угощаешь нашу братию вкусняшками. Только ту малиновую гадость выпей сама, а мне сделай «Гранитный характер».

Я ещё больше зависаю и пялюсь на Соню. Наша братия? «Гранитный характер»? Напиток, который положено подавать «вечерним» гостям. Холодок пробегает по спине. И до меня доходит: Соня — не просто Соня. Соня — Хранитель Сумерек.

— Как скажете, о великая и ужасная, — бурчу, в некотором смятении запуская кофемашину.

Мысленно усмехаюсь. Однако… Всегда думала, что «Гранитный характер» – напиток, который должен пить супергерой с квадратной челюстью, стальным взглядом и идеальной короткой стрижкой. Может, ещё и в плаще, для пущего эффекта. Так, и, судя по Сониному виду, плащ и прическа как раз соответствуют…

Пока варю, она спокойно снимает «супергеройский» плащ и вешает на стойку для верхней одежды, будто это её вторая гостиная.

Я ставлю чашку и рюмку с тёртым шоколадом на поднос, Соня кивает:

— Пойдём, присядем. Есть разговор.

Мы садимся у окна. Соня откидывается в кресле так уверенно, словно это её офис, а я — приглашённый стажёр.

Жду, что она начнёт с оправданий, мол, извини, что пропадала. Но Соня идёт напролом:

— Я давно с Хранителями Сумерек, — говорит она так буднично, будто мы обсуждаем новый сезон сериала. — Когда отменяла наши с тобой встречи… у меня в это время были задания. Но рассказывать нельзя: обычные люди не должны знать о магах. А ты тогда считалась обычной.

Я сжимаю ладони на коленях. Значит, всё то время, пока я злилась, думала, что она придумывает отговорки, считала её чуть ли не предательницей — она выполняла задания. Секреты, приказы, магическая дисциплина.

— А теперь, — глаза у неё блестят, и впервые за долгое время я вижу её не замотанной и уставшей, а по-настоящему счастливой, — теперь ты своя. Ты маг. Теперь можно рассказывать всё, без запретов.

Я даже не сразу нахожу слова. С одной стороны, я кипела от обиды, когда видела её фотки в соцсети — смех, тусовки, в то время как я верила её «температуре». С другой — сейчас это выглядит логично. Не обман, а просто необходимость молчать.

— То есть ты не врала? — наконец выдыхаю я.

— Не врала. Просто не могла сказать правду. — Она улыбается и чокается рюмкой шоколада об мою чашку с остатками малины. — Ну что, мир?

Смотрю на неё, на эту Соню-Тринити, которая вдруг снова стала той самой Соней, моей подругой.

И в груди становится легко. Будто мы сдвинули тяжёлый камень между нами.

— Могла хотя бы сказать, что у тебя новый косплей по «Матрице».

Мы обе смеемся. И я чувствую, как напряжение начинает таять, будто оно было пенкой на капучино и я её сдула. Да, у меня снова есть подруга. Не просто бывшая коллега или знакомая, а именно та Соня, с которой можно смеяться над ерундой и спорить, какой кофе лучше.

— Я правда скучала, — говорит Соня чуть тише. — Но тогда ничего не могла поделать.

Вот же… Умеет она так сказать, что я разом превращаюсь из сердитого ежа в котика на коленях.

— Ну так что, мир? — она протягивает руку.

— Мир, — пожимаю её ладонь. — Но имей в виду: если ещё раз заявишь, что лежишь с температурой, а сама окажешься где-нибудь в параллельной вселенной, я потребую

справку. С печатью. Или фото на фоне портала.

Соня фыркает, едва не расплескав «Гранитный характер».

— С тобой невозможно быть серьёзной, — качает головой.

— Стараюсь, — улыбаюсь я.

И мы сидим так уютно и красиво, как в прежние времена. Я расспрашиваю осторожно — так, чтобы не прозвучать следователем из отдела по борьбе с магическими преступлениями. Соня отвечает скупо, но с довольной ухмылкой, как человек, который наконец-то может перестать прятать половину своей жизни.

Потом она допивает «Гранитный характер» и поднимается.

— Мне пора. Но мы ещё увидимся, — и улыбается загадочной улыбкой, из-за которой у меня всегда чувство, будто я опоздала на свое посвящение в тайный клуб.

Она исчезает так же эффектно, как и появилась. Я остаюсь за столиком, глядя на пустую чашку. Внутри удивительное спокойствие, словно я только что вернула себе кусочек прежней жизни.

Виола, всё это время возившаяся с банками на полке, наконец поворачивается ко мне.

— Хранительница, — говорит она сухо.

— Да, — киваю я. — И моя подруга.

Она больше ничего не добавляет. Просто смотрит на меня с глубокомысленной полуулыбкой, которой обычно завершают фильмы с открытым финалом, и возвращается к своим банкам.

А я думаю: вот она, настоящая магия — у меня снова есть Соня.

Глава 8. Цена магии

На следующий день просыпаюсь с ощущением, будто всю ночь меня по очереди обнимали трактор и бетонная плита.

Голова ватная, тело чугунное. В глаза будто горсть песка насыпали, в ушах — тонкий писк, словно у соседей опять ремонт, только вот никто сейчас не сверлит. В груди тяжёлый ледяной ком, от которого хочется кашлять, но это не помогает.

— Это стресс, — уговариваю я себя. — Всего лишь стресс.

Конечно, стресс, а что же ещё? Три дня работы в магической кофейне, плюс двое наставников, плюс недавняя встреча с олигархом и подругой из параллельной магической реальности. Нервная система решила закатить мне забастовку. Но раз я кофейная магичка, буду лечиться проверенным способом — кофе.

Включаю свою домашнюю кофемашину, жму на кнопку. Знакомое урчание, приятный запах. Делаю американо, вкладываю бодрость — всё как учил Дмитрий, подношу к губам и… кажется, что-то пошло не так. Вместо бодрости в меня въезжает ещё одна волна слабости. Мир качается, как корабль. Чашка едва не падает из рук.

Я хватаюсь за стол, чтобы не упасть. Вкус кофе кажется горьким до противного, хотя рецепт тот же, что я делала вче-

ра. Ирония судьбы: бариста, вырубленная собственным напитком.

Кое-как одеваюсь и вываливаюсь из квартиры. Хорошо, что есть лифт! Плохо, что возле подъездной двери есть ступени. Каждая ступенька по пути вниз требует отдельного героического подвига. До «Зёрен истины» добираюсь чудом, как герой боевика, у которого закончились патроны, но надо дойти до финальной сцены.

На входе спотыкаюсь о коврик и почти кланяюсь полу. Виола, чудом оказавшаяся рядом, подхватывает меня и окидывает взглядом, в котором читается «я же предупреждала».

— Магический откат, — заявляет она, даже не щупая пульс. — Дар у тебя сильный, значит, и откат соответствующий.

Я сажусь на стул, обнимаю поданную кружку воды как талисман. Хорошо, что в кофейне пока никого нет.

— Магический откат? Это что? И почему? Я же всего три дня работаю тут.

Виола вздыхает так, будто я задала вопрос уровня «почему вода мокрая».

— Ты начала тратить силу сразу, как только она пробудилась. Это было больше двух недель назад. Помнишь, ты говорила, что клиенты в «Бэйжстаре» странно реагировали на твой кофе?

Вспоминаю. Слишком счастливые глаза у слишком хмурых людей. Ну да.

— И ещё, — продолжает Виола, — в «Бэйжстаре» обычные кофемашины. На них нет защиты. Они только усиливают расход силы, но не оберегают. Здесь, в «Зёрнах истины», медная кофемашина с древне-славянскими обережными заклинаниями. Она работает как артефакт, который усиливает магию, но при этом защищает от отката.

Чувствую, как в животе неприятно скручивается.

— Я ещё дома Денису делала кофе, — чуть слышно мямлю я, — ну и себе сегодня утром… вложила бодрость, но стало хуже.

Виола хлопает ладонью по стойке так, что звенят стаканы.

— Алиса! В первый же день я сказала: магия должна иметь своё время и место. Время – это твой рабочий день в «Зёрнах истины», а место – медная машина с обережными заклинаниями. А ты решила устроить магическую кофейню на дому?!

Я виновато смотрю на свои кроссовки. Сил спорить нет, а оправдания звучат жалко даже у меня в голове.

Когда я уже готова провалиться сквозь землю от усталости и упрёков Виолы, появляется Дмитрий. Входит тихо, как будто воздух сам расступается перед ним. Его пальто всё так же хранит запах трав и старых книг. Я сижу, похожая на по-

мятую салфетку.

— Слишком много, слишком быстро, — говорит он, глядя на меня так, будто у него встроенный рентген.

Обходит стойку, достаёт из-под неё глиняную кружку. Я уже почти в коме, но наблюдаю. Дмитрий насыпает в кружку траву, заливает кипятком. Вскоре над напитком вьётся пар, пахнущий лесом, дымком и лёгкой сладостью.

— Иван-чай, — произносит он спокойно. — Древне-славянский рецепт. Для восстановления.

Делаю первый глоток — и уже легче, это похоже на возвращение в нормальную реальность. Звон в ушах стихает, сухость в глазах исчезает, ледяной ком в груди начинает таять. Я почти расплываюсь на стуле.

— Это гениально, — выдыхаю. — А можно я так научусь? Мы могли бы готовить такие напитки в кофейне. Магам будет полезно — убирает откат, восстанавливает силы.

Дмитрий чуть улыбается, уголком губ.

— Твой откат ещё не исчез, силы восстановятся не сразу. Но мысль интересная.

Виола приподнимает бровь.

— Возможно. Но сейчас тебе магия противопоказана. Только практика немагического кофе по «Гиду креативных бариста».

Я закатываю глаза.

— То есть я бариста без магии. Замечательно. Вернулись на уровень «налей воду, нажми кнопку».

Дмитрий спокойно отвечает:

— Это называется «учиться беречь ресурсы». У магии есть цена. Мы работаем с эмоциями, значит и платим эмоциями. Магический откат — это как эмоциональное выгорание. При сильном даре — как сильное эмоциональное выгорание.

Виола вдруг щурится.

— И ещё. Ты сказала, что делала магический кофе Денису? То есть обычный человек узнал о магии?

Я открываю рот, потом закрываю. Нет смысла врать.

— Да. Он мой друг с университета. Я не могла не рассказать.

Воздух в кофейне густеет. Виола смотрит так, будто я сожгла «Кофейный кодекс». Дмитрий задумчиво хмурится.

— Ты нарушила закон, Алиса, — медленно произносит Виола. — Обычным людям нельзя знать о магах.

Дмитрий не добавляет ни слова, но его взгляд становится ещё глубже.

И я впервые за всё время думаю: может, мой кофе — это не самое опасное, что я могу заварить.

А внутри тревога: что теперь делать с Денисом? Если он «слишком много знает»… Маги ведь не ограничиваются предупреждением.

Делаю глоток остывшего иван-чая, стараюсь скрыть дрожь в руках. В голове крутится только одно: Денис в опасности. Из-за меня.

Виола, сверля меня взглядом, наконец говорит:

— Алиса, ты понимаешь, что натворила?

— Ну да… Я рассказала Денису… — начинаю я неуверенно.

— Не просто рассказала, — перебивает Виола. — Ты открыла тайну магии обычному человеку. А это — нарушение закона.

Закон. Магический. Тот самый, который мне никто не удосужился выдать в красивой брошюрке с иллюстрациями. Видимо, подумали: «погуглит сама».

Дмитрий мягко поднял ладонь, словно гася пламя раздора между нами:

— Давайте без лишней драмы. Девушка не знала, правила для неё новые. Но факт остаётся фактом: Денис знает то, что не должен.

Я сглатываю.

— И что теперь? — спрашиваю вслух.

— Так… Значит, Денис знает, — Виола стучит ногтем по фарфоровой чашке, и звук отдаётся у меня внутри. — Это нарушение. Закон о неразглашении существует не для кра-

соты, Алиса.

— Но ведь что-то же можно сделать? — спрашиваю, чувствуя, как в животе холодеет, будто опять хлебнула утреннего «кофе бодрости». — Вы же не можете его… ну… просто вычеркнуть из жизни.

— Никого вычеркивать не нужно, — спокойно произносит Дмитрий, как будто он сейчас читает лекцию студентам, а не рассуждает о судьбе моего лучшего друга. — Есть старые рецепты. Несколько вариантов.

Я вздыхаю: ага, меню на сегодня — «как замести следы, чтобы не села вся компания».

— Первый вариант, — начинает Дмитрий, — «Сливочное забвение». Латте со сливками и корицей. Но главное — заговоренные маковые лепестки. Они мягко вытравят воспоминания обо всём, что связано с магией. Денис будет тебя помнить, а разговоры про магию сотрутся.

— Красиво звучит, но слишком радикально, — нахмурилась Виола. — Иногда остаются пустоты в памяти, и человек сам не понимает, чего ему не хватает.

— Второй вариант, — Дмитрий делает вид, что не заметил её тона, — «Туманный сон». Мокачино с горьким шоколадом, плюс мята, собранная в полночь, и полынь, заговорённая на рассвете. Всё останется, но будет восприниматься как сон. Если Денис попытается вспомнить, сам себе не поверит.

— Отлично, — бурчу я. — То есть вариант «пускай думает, что у него галлюцинации».

— Вроде того, — кивает Дмитрий.

— И третий вариант, — подхватывает Виола, наклоняясь вперёд. — «Тишина на языке». Двойной эспрессо с имбирём и медовой пенкой, а ещё мускатный орех, пропитанный настойкой на заговорённых травах. Память останется, но язык свяжется: он не сможет рассказать никому. Горло будет неметь, а тема разговора – уходить в сторону.

Я почесала висок:

— Класс! То есть выбор между «ластиком по мозгам», «галлюцинациями» и «немым свидетелем». Уютная кофейня тут у нас...

Виола и Дмитрий переглядываются.

— Подумай, — говорит Виола вроде мягко, но со сталью в голосе. — У тебя будет время, пока ты восстанавливаешься. Но решение нужно принять до того, как он сам кому-нибудь проговорится.

Я сжимаю пальцы под столом в кулаки. А если он уже проговорился?

***

В итоге сегодня мне поручают то мыть барную стойку, то перебирать травы, то упражняться с немагическим кофе.

А чтоб не заскучала, Дмитрий вручил мне несколько книг по разным системам магии – ведь кофейная магия эмоций не единственная, и свет клином на ней не сошёлся.

Есть ещё магия артефактов: магию можно вливать в драгоценные камни или в металлические предметы обихода. На-

пример, в медные турки для варки кофе. В результате получается уже не просто турка, а артефакт, который помогает магу тратить меньше энергии. Магический откат тогда ему почти не грозит.

Раньше я была бы в полной эйфории от новых магических знаний, но сейчас эмоции словно приглушены то ли из-за последствий магического отката, то ли потому, что весь день обдумываю новое «задание». Чувствую себя как в каком-то абсурдном телешоу: «Выбери способ испортить жизнь лучшему другу — три варианта на выбор, и все с пенкой».

И я впервые не могу сделать выбор – всё кажется неправильным.

Допустим, я выберу «Сливочное забвение». Ластик по мозгам. Денис больше не вспомнит, что я маг, но вместе с этим, может, исчезнут и лучшие моменты нашей дружбы. Вдруг он перестанет понимать, почему мы вообще держимся вместе?

Хорошо, положим, выберу «Туманный сон». Ну да, классно. Пусть он подумает, что я ему снилась. Тёплое чувство: «Алиса, ты была моим самым странным сном, как будто кошмар про экзамен, только с кофе и молниями в нём».

Ладно, как насчёт «Тишины на языке»? Самое гуманное? Он будет знать, но не сможет никому сказать. Но ведь и это — пытка. Я представляю, как он давится словами, как горло сжимается, как он хочет поделиться, но не может.

Становится холодно. Я сижу и думаю, что, наверное,

именно сейчас понимаю, что значит «цена магии». До этого я жаловалась на головную боль, сухость в глазах, звон в ушах и прочие последствия магического отката. А вот теперь на весах — жизнь и память человека, который всегда был рядом.

Денис — тот, кто приносил мне круассаны ещё с тех пор, когда я провалила первый экзамен в универе. Кто смеялся над моими анекдотами даже тогда, когда мне самой было за них стыдно. Кто после мемного фиаско с Петровым говорил: «Да пусть ржут, ты всё равно лучшая».

И теперь я должна решить, что с ним будет дальше.

Спасибо, магический мир! Отличный велком-пакет: магические силы, друзья-маги и бонусом моральный выбор уровня «стань предателем или мучителем».

Я машинально тянусь к десятой по счёту чашке иван-чая и ловлю наконец-то приемлемую идею: «А что если вообще ничего не делать? Что если просто довериться Денису?»

Но другая мысль тут же пробивает меня ледяной иглой: если он проболтается — его сотрут из этого мира, совсем. И тогда никакого выбора у меня уже не будет.

Я сжимаю чашку так крепко, что костяшки белеют.

Дома ночь накрывает меня ватным колпаком — вроде бы тихо, но внутри гул стоит сильнее, чем после рок-концерта. Я ворочаюсь, одеяло сбивается в ком, подушка становится то слишком жёсткой, то слишком мягкой, и каждый раз, когда я почти проваливаюсь в сон, перед глазами всплывают три чашки.

«Сливочное забвение». Белая пенка, будто туман, и в нём исчезает Денис — не просто память о магах, а он весь, вместе с нашими шутками, ночными переписками и тем, как он называет меня «капучинка».

«Туманный сон». Он сидит напротив и говорит: «Ты мне приснилась». Смеётся. А потом добавляет: «И вот странно, это был лучший сон в моей жизни, но я не могу его вспомнить». От этого мне делается так пусто, словно я сама превращаюсь в сон.

«Тишина на языке». Самый страшный вариант. Я вижу его лицо — рот открывается, слова рвутся наружу, но застревают, превращаются в немой крик. А я стою рядом и понимаю, что сделала это сама.

Сажусь на кровати и тру виски. Всё тело ломит, остатки магического отката давят, как кирпич на грудь.

Смотрю на ночной город за окном. Где-то там магические силы решают свои великие дела — Стражи Рассвета борются за свои идеи, которые, наверное, имеют смысл… Хранители Сумерек тоже кого-то или что-то хранят. Их переговоры в «Зёрнах истины» уже назначены. А у меня маленькая драма, которая кажется страшнее любой войны: как не потерять человека, который всегда был моим тылом.

Я закрываю глаза и шепчу в темноту:

— Прости. Что бы я ни сделала, прости.

И уже не понимаю — говорю ли я это Денису или самой

себе.

Глава 9. Подарок

Магия — это как бухгалтерия, только вместо цифр эмоции.

Я уже успела уловить логику этой системы: в нашем якобы немагическом мире есть маги, у них свои законы, правила, фракции.

Есть Стражи Рассвета и Хранители Сумерек — две силы, которые балансируют друг друга… хотя балансируют они так же неуклюже, как я, когда в первый раз пыталась нарисовать сердечко на капучино.

Есть обереги — древнеславянские заклинания, без которых маг выгорает так быстро, будто пытался пробежать марафон пятьдесят два километра на одном дыхании.

И есть цена магии. Всегда. Цена в эмоциях. Чем сильнее дар и чем интенсивнее тратишь магию, тем больше откат. Такой вот баланс.

Аккуратно протираю пароотвод и снова беру в руки питчер. Немагический кофе я делаю уже более чем у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.